
Право
на Имя
Юлия Белова

Юлия Белова

Право на имя

https://litres.ru/74732312
SelfPub; 2026

Аннотация

Для всего света семья лорда — безупречный эталон. Достойный наследник, обворожительная младшая дочь и слабая здоровьем старшая, близнец наследника. Никто не смеет усомниться в их идиллии.

Но за фасадом скрывается жестокая правда. Девушка, которую все жалеют как хрупкую больную, на самом деле — пленница. Женщина, которую она называла матерью, — лишь мачеха, а отец давно вычеркнул ее из памяти. Она живет в холодной каморке на правах служанки.

Ее редчайший дар — забирать чужую боль в собственное тело. Об этой силе знает только мачеха, беззастенчиво использующая падчерицу как живой источник здоровья для своих родных детей. За каждую чужую лихорадку девушка платит агонией, в разы превосходящей страдания больного.

Но однажды на берегу моря она встречает пса, который сводит ее с загадочным хозяином. Эта встреча открывает дверь в новую жизнь. Однако, чтобы обрести свободу и узнать страшные тайны своего происхождения, девушке придется понять: действительно ли она имеет право носить свое имя?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Глава 3	52
Глава 4	75
Глава 5	90
Глава 6	108
Глава 7	129
Глава 8	141
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Юлия Белова
Право на имя

Глава 1

Она не знала, отчего её семья смотрела на неё с такой глухой неприязнью — будто в самом её существовании таилась какая-то непростительная вина. В чём была ошибка? До семи лет она ещё цеплялась за любую крупицу внимания: старалась быть тише, послушнее, незаметнее — лишь бы хоть раз увидеть в родительских глазах что-то похожее на тепло. Но капля любви так и не упала в её иссохшую душу, и после седьмого года самым заветным её желанием стало раствориться в воздухе, стать невидимкой, которую никто не станет искать. Кто-нибудь, возможно, сказал бы, что есть и другие пути: уйти из дома, оборвать эту цепь унижений, а то и вовсе положить конец страданиям. Но ни один из этих выходов не принадлежал ей. Она была не хозяйкой своей судьбы, а вещью, целиком и полностью во власти семьи, чьё слово было законом, а воля — непреложной.

— Эй ты! — прорезал тишину визгливый голос, острый и неприятный, как скрежет ножа по стеклу. Он впивался в уши, заставляя невольно морщиться и сжиматься, будто от удара. — Убогая, ты совсем оглохла? Госпожа зовёт! Сейчас

же, живо!

— Но… — робко начала девушка, пытаясь хоть что-то объяснить.

— Немедленно! — рявкнула Перла, не давая вставить и слова.

Отказаться было немыслимо. Любое возражение, любой намёк на несогласие оборачивались бедой: в лучшем случае — потоком ругательств, едких и хлестких, словно удары кнута, в худшем — чем-то куда более жестоким. Воспоминания об этих сценах пробирали дрожью до самых костей, и она невольно втягивала голову в плечи, будто надеясь стать меньше, незаметнее. Поднявшись с корточек, она кое-как стряхнула с подола платья пыль и сажу, осевшие за день тяжёлой работы. Взгляд на мгновение задержался на недочищенной печи — на тёмных, упрямых пятнах копоти, которые так и остались упрямыми свидетелями её прерванного труда. Время клонилось к вечеру: скоро кухарки примутся за ужин, и если Марли, главная кухарка, войдёт и увидит, что печь так и не приведена в порядок, беды не миновать. Марли не терпела оправданий. Для неё не существовало полутонов: дело либо сделано, либо нет. И если оно не сделано — значит, виновата ты, и точка. В её мире всё делилось на чёрное и белое, и, увы, девушка почти всегда оказывалась по ту сторону, где царила тьма.

— Убогая! — снова донёсся резкий окрик Перлы, звенящий, как натянутая струна.

— Иду, — тихо отозвалась она и торопливо шагнула прочь из кухни, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не выдать той горечи, что сжимала сердце.

Перла, личная горничная госпожи, держалась так, будто на её плечах покоилась судьба всего дома. Она смотрела на остальных слуг свысока, с той особой надменностью, которая рождается не от достоинства, а от желания хоть где-то почувствовать себя выше других. Высокая, долговязая, неестественно худая, с высоким лбом и слишком крупными, будто чуть навыкате, глазами, она казалась существом, сотканным из острых углов. Говорили, что когда-то её нрав был не столь колюч, но всё переменилось в тот день, когда жених бросил её у алтаря, предпочтя ей молоденькую посудомойщицу. С тех пор в душе Перлы поселилась горечь, превратившая её в настоящую мегеру. Лишь перед хозяевами и их детьми она рассыпалась в поклонах и льстивых улыбках, становясь мягкой и угодливой, словно другой человек.

— Тц, — недовольно цокнула языком Перла, окинув девушку презрительным взглядом. — Ты собираешься предстать перед госпожой в таком виде? Хоть бы умылась! Да что можно ждать от такой черни… Убогая…

«Но ты ведь сама не дала мне ни минуты», — пронеслось в мыслях девушки, горькое и беспомощное, как крик, запертый в груди. Но вслух она не произнесла ни слова. Какой в этом смысл, если её голос всё равно никто не услышит?

— Госпожа ожидает в гостиной, — высокомерно броси-

ла Перла и первой двинулась вперёд, даже не обернувшись, чтобы проверить, идёт ли за ней девушка. На ходу, натянув на ладонь край рукава, она попыталась стереть с лица сажу и копоть, но, мельком увидев своё отражение в большом зеркале, украшавшем коридор, поняла, что лишь размазала грязь, сделав себя ещё более жалкой. Бросив эту тщетную попытку, она ускорила шаг, стараясь не отставать от быстро идущей впереди Перлы.

— Госпожа, я привела её, — заискивающе пропела горничная, распахивая двери в гостиную и тут же отступая в сторону, чтобы оказаться в лучах благосклонности хозяйки.

Светлая, залитая солнцем комната была обставлена дорого и со вкусом — так, чтобы всякий, кто переступал порог, сразу понял: он попал не в заурядное поместье, а в дом графа Триваля, одной из самых влиятельных семей, приближённых к самому королю. Женщина, сидевшая в глубоком кресле с бордово-бархатной обивкой, ничуть не уступала этому великолепию. От кончиков волос, уложенных в высокую причёску, до носков безупречных туфелек, сшитых на заказ, в ней всё кричало о благородстве. Вот только характер у этой женщины был совсем не под стать её внешности — по крайней мере, дома, с теми, кто знал её достаточно близко.

— Ну наконец-то, — недовольно буркнула она, чуть поморщившись. — Иди сюда. У меня голова раскалывается на части. Эта зудящая боль в висках просто сводит с ума.

Графиня Кэйт Триваль протянула руку, обтянутую атлас-

ной перчаткой.

— Но, госпожа, — осторожно подала голос девушка, — быть может, лучше приготовить холодный компресс?

Графиня медленно перевела на неё взгляд, сузив глаза. Очень нехороший знак. Девушка вжала голову в плечи, и без того понимая, что зря эти слова сорвались с её губ.

— Подойди ближе, дитя, — обманчиво-ласково позвала графиня.

Девушка замешкалась — но резкий тычок Перлы в спину заставил её сделать несколько шагов вперёд, пока она не оказалась возле самого кресла. Под молчаливым, но красноречивым взглядом графини она опустилась на колени. Тонкие на вид, но на удивление крепкие пальцы с силой сжали её подбородок. Было больно. Девушка прикусила губу, стараясь сдержать болезненный вздох. Синие глаза Кэйт были острее клинка и холоднее льда.

— Напомни-ка мне своё имя, дитя, — тихим голосом, от которого по спине девушки побежали мурашки, произнесла женщина.

— Эл… Элисон, — едва слышно ответила она.

— Громче! — резко приказала графиня.

— Элисон, госпожа, — куда громче произнесла девушка сквозь боль. — Элисон Триваль.

— Правильно, — чуть спокойнее отозвалась графиня, но хватку не ослабила. — И как член семьи Триваль ты должна быть полезна. Ведь так?

Элисон хотела ответить, хотела хотя бы кивнуть, но острый ноготь, прощупываемый даже сквозь перчатку, с силой впился ей в щёку, оставляя на коже глубокий след.

— Раз уж мой дорогой супруг посмел заиметь на стороне ребёнка и ещё додумался притащить его в мой дом, от него должна быть хоть какая-то польза. А иначе… — графиня не закончила, но всем было понятно, что последовало бы за этим «иначе».

И это тоже было правдой. Элисон была дочерью графа Кристофа Триваля, но не ребёнком графини. Восемнадцать лет назад, зимней ночью, граф вернулся домой с младенцем на руках. Вручив свёрток ошеломлённой жене, он сказал лишь одно: этот ребёнок — его, будет носить его имя, и на этом разговор окончен. Кто была её родная мать, так и осталось неизвестным. Как ни кричала, ни плакала Кэйт, Кристоф не сказал больше ни слова — кроме имени, которое дал девочке. Пожалуй, это был первый и единственный подарок, который он ей сделал.

Те, кто давно служил в доме графа, описывали то время двумя словами: было тяжело. Ежедневные истерики молодой графини, которая тогда сама ждала первого ребёнка. Упрямое, злое лицо графа, который чаще бывал пьян, чем трезв. И бесконечный, громкий плач младенца, на которого всем было наплевать. Так продолжалось до одного вечера. Графиня вошла в кабинет мужа. О чём они говорили, никто не знал, но с того дня истерики Кэйт и пьянство Кристофа ра-

зом прекратились. Маленькой Элисон выделили няню, которая занималась всем необходимым: еда, одежда, смена пелёнок — но ни капли тепла, ни единой улыбки. Вскоре у графини родился сын, Айзек.

Для всего мира была пущена красивая легенда: графиня подарила мужу близнецов — сына и дочь. Старший, мальчик, наследник рода, рос здоровым и крепким. Но вот младшая, девочка… Она была так ужасающе больна, что никто и никогда не видел Элисон Триваль, сестру-близнеца Айзека. Для света она стала лишь тенью — ребенком, из-за которой страдали родители, а сама она, даже взрослея, не могла покинуть стен своей комнаты. Весь персонал родового поместья графа Триваль был подобран лично Кейт и свято хранил эту тайну. Никто из них не обмолвился ни словом о том, что на самом деле дочь не принадлежала графине, а была бастардом самого графа. О том, что она никогда не болела. И о том, что во владениях своего отца она стала обычной служанкой.

Маленькая Элисон, до того как узнала всю правду, наблюдая за отношением родителей к брату, не могла понять, откуда такая разница. Почему мать дарит сыну улыбку, слуги почтительно расступаются и улыбаются ему вслед, а ей — ничего. Даже её няня, Грейс, угощала Айзека леденцами и гладила по голове — того, чего ни разу не сделала для Элисон. Когда Айзек плакал, к нему сбегались все: вызывали семейного доктора, приносили любимые пирожные, чтобы хоть как-то поднять ему настроение. Когда Элисон рани-

лась, на неё шикали, ругали, велели не привлекать внимания и не портить всем нервы.

Маленький Айзек быстро понял, как устроен этот мир, и принялся издеваться над Элисон. Начиналось с мелких, казалось бы, безобидных шалостей: подножка, испачканное платье, спрятанная вещь. Но чем дальше, тем его забавы становились всё извращённее — и всё чаще оканчивались для Элисон синяками, а то и переломами. Когда она пыталась пожаловаться, никто не верил: ругали её же за то, что «наговаривает на юного господина».

Однажды, во время прогулки в саду, когда ей было шесть, Элисон увидела маленького котёнка. Белый комок шерсти дрожал всем крошечным тельцем и жалобно мяукал. Мягкосердечная Элисон тайком стащила с кухни миску молока и вернулась в сад — но обнаружила там Айзека, который швырял в малютку камни.

— Что ты делаешь?! — испуганно воскликнула Элисон.

От окрика мальчишка вздрогнул, но, поняв, что это всего лишь она, тут же вернулся к своему занятию. Девочка подбежала и, раскинув руки, встала между ним и котёнком. Очередной камень нашёл цель. Боль обожгла лоб. Миска выскользнула из рук, молоко брызнуло на платье и старые туфельки. Дрожащей рукой Элисон коснулась лба — пальцы окрасились кровью. Айзек сначала испугался. Он молча смотрел, как по лбу сестры медленно стекает капля крови, сползает на щёку и срывается вниз. И тогда в его глазах за-

жёгся странный, недобрый огонёк. На губах мальчика расплылась довольная улыбка.

— Так тебе и надо, — хмыкнул он.

Неожиданно Элисон почувствовала то, чего никогда прежде не испытывала: злость. Сжав кулаки, она с криком кинулась на ухмыляющегося брата. Упав, они катались по земле, пытаясь достать друг друга. В конце концов Айзеку удалось вырваться из её хватки и, громко рыдая, размазывая кровь из разбитого носа, он бросился к дому. Элисон, которой тоже изрядно досталось, подошла к котёнку. Тот был мёртв.

Вернулась она в дом только вечером. Голова раскалывалась, глаза и нос опухли от слёз, платье было перепачкано землёй. Котёнка она закопала в дальнем углу сада, чтобы никто больше не потревожил его покой. Едва переступив порог, Элисон почувствовала, как няня грубо схватила её за руку.

— Ай! Мне больно, няня! — захныкала девочка.

— Да как ты только осмелилась! — шипела разъярённая Грейс.

Больно дёрнув за руку так, что в плече что-то хрустнуло, она потащила девочку в комнату госпожи. Там, в чистой одежде и с ватными затычками в носу, уже уплетал свои пирожные Айзек. Грейс толкнула Элисон вперёд — та не удержалась на ногах и упала на колени, больно ободрав кожу о ворс ковра.

Утирая горькие слёзы, Элисон подняла глаза на графиню.

— Матушка…

— Не смей! — злобно закричала Кэйт, от чего вздрогнул даже любимый Айзек. — Не смей меня так называть!

Графиня нависла над девочкой, точно скала. От одного её взгляда Элисон пробирала дрожь.

— Ты хоть понимаешь, что творишь?! Как ты посмела поднять руку на моего Айзека?! — шипела разъярённая женщина, нависая над испуганной девочкой. — Граф притащил тебя в мой дом и повесил на мою шею, а я вынуждена с этим мириться! Каждый раз, глядя на тебя, я вспоминаю, сколько хлопот ты доставляешь… Да как ты вообще смеешь причинять вред моему сыну?! Как?!

Кэйт занесла руку для удара. Элисон, сжавшись в комок, зажмурилась. Страх был таким плотным, таким всепоглощающим, что она на мгновение забыла о боли. Казалось, ещё немного, и её просто стошнит.

— Что здесь происходит? — раздался холодный голос.

Элисон открыла глаза. Кристоф Триваль стоял на пороге. Как всегда — в безупречном костюме, с ровной спиной и сложенными за спиной руками. Его ледяной, безразличный взгляд обвёл комнату и задержался на графине чуть дольше прочего. Кэйт опустила руку.

— Дорогой, эта девчонка посмела ударить нашего сына, — тут же пожаловалась графиня, и голос её мгновенно сменился на сладко-оскорблённый.

Кристоф медленно обернулся к Айзеку. Под тяжёлым, не терпящим возражений взглядом отца мальчишка тут же присмирел: спина сама собой выпрямилась, плечи подтянулись, а руки покорно легли на колени, будто он вдруг вспомнил все уроки хороших манер.

— Он… — сквозь слёзы вдруг проговорила Элисон, и взгляд графа тут же метнулся к ней. — Он бросал камни в котёнка… А потом… попал мне в лоб… И котёнок… он умер…

Девочка пыталась рассказать, как всё было на самом деле, но слова путались, рассыпались на обрывки, а тихий голосок тонул в громком, истеричном крике Айзека:

— Это неправда! — мальчишка вскочил на ноги, размахивая руками. — Она просто набросилась на меня, пока я гулял в саду! Вы видите? Она разбила мне нос! Она…

— Ты хочешь пожаловаться, что девчонка, которая вдвое меньше тебя, смогла тебя побить? — тем же ледяным тоном перебил сына граф, и в его голосе не было ни гнева, ни сочувствия — только сухая, почти насмешливая констатация.

— Но… — снова попытался вставить слово Айзек, но тут же осекся и замер.

И правда, Элисон хоть и была старше брата на месяц, по телосложению сильно ему уступала. Он опережал её и в росте, и в весе — неудивительно, ведь любимого сына графиня баловала всем, чего только душа пожелает, а Элисон в лучшем случае доставались жидкий суп или несолёная пшениц-

ная каша. Даже слуги питались куда лучше и разнообразнее.

— Что ты такое говоришь? — изумлённо выдохнула Кэйт, глядя на мужа так, будто видела его впервые. — Твоему сыну разбили нос! Его ранили, Кристоф!

— Я вижу, — хмыкнул граф. — И что с того? Какой ребёнок в детстве не получал синяков и ссадин? И смею напомнить, что Элисон — тоже моя дочь. К тому же, судя по виду, ей досталось куда больше. Так с какой стати я должен делать между ними разницу?

— Что?! — Кэйт пошатнулась и прижала ладонь к виску, на мгновение прикрыв глаза. — Да как ты можешь такое говорить? Разница, конечно, есть! Айзек — твой родной, законный сын. А эта девчонка всего лишь…

— Она — моя дочь, — твёрдо, чеканя каждое слово, повторил Кристоф, не давая жене договорить.

— За что ты так со мной? — тихо прошептала Кэйт, глядя на графа с беззащитной болью. — Зачем ты хочешь меня унизить?

Её вопрос повис в воздухе, оставшись без ответа. Граф будто и не слышал его. Отвернувшись от жены, словно она вдруг перестала для него существовать, он перевёл взгляд на Грейс, которая жалась у самых дверей, явно мечтая провалиться сквозь пол и не быть свидетельницей этой сцены.

— Ты её нянька? — спросил он.

— Так точно, господин, — склонилась в поклоне женщина.

— Уведи её и приведи в порядок. Обязательно вызови доктора. И, ради всех богов, начни наконец нормально её кормить. На неё без слёз не взглянешь. Не хватало ещё, чтобы по округе поползли слухи, будто в доме Триваль детей морят голодом, — небрежно махнул рукой Кристоф.

Грейс снова поклонилась и торопливо подошла к Элисон. На этот раз она взяла девочку за руку куда осторожнее, чем прежде. Когда Элисон попыталась встать и вдруг захромала, нянька побледнела и бросила на графа короткий, испуганный взгляд — боялась, что он заметит и обрушится на неё с упрёками. Для Грейс его заступничество стало неприятным сюрпризом: все шесть лет граф ни разу не поинтересовался судьбой внебрачной дочери, и женщина была уверена, что он относится к ней так же холодно, как и графиня. Поняв, что надо убираться отсюда как можно скорее, она подхватила девочку на руки и поспешила к выходу.

— А что касается тебя, — граф снова повернулся к жене, — хватит поднимать шум из-за пустяков. Лучше вместо того, чтобы откармливать сына сладостями, найми ему учителя фехтования. Пусть мышцы накачивает, а не бока отращивает. Может, тогда хоть сумеет дать отпор девчонке.

Дверь закрылась, но прежде чем створки сомкнулись, Элисон успела заметить взгляд графини — полный боли, горечи и такого глубокого разочарования, будто весь мир только что предал её.

В тот вечер слова Кейт не выходили у Элисон из голо-

вы, терзая душу неясной тревогой. Не выдержав, она робко спросила у няньки, что же имела в виду «матушка». К удивлению девочки, Грейс на этот раз не стала ни браниться, ни пугать её привычными угрозами — лишь ответила сдержанно и прямо, без лишних эмоций. Так, сквозь сухие, но точные слова женщины, перед Элисон понемногу начала проступать правда о том, как она оказалась в этом доме. С того дня отношение няньки к Элисон понемногу изменилось. Грейс старалась, чтобы следы наказаний не бросались в глаза, а еда стала вкуснее, разнообразнее, да и порции заметно выросли.

Год спустя, когда Элисон исполнилось семь, с ней случилось то, чего она ни за что не хотела бы пережить. Всё началось с обычной простуды — не редкость в середине зимы. Головная боль, жар… Но с каждым днём становилось только хуже. Несмотря на все старания няньки, девочке не становилось легче. Она начала задыхаться, жар усиливался, а боль в теле становилась невыносимой. В панике Грейс бросилась к графу, но того не оказалось дома. Вместо него она наткнулась на графиню. Та сперва хотела отослать няньку прочь — мол, если девчонка умрёт, будет даже лучше. Но в последний момент всё же позволила вызвать доктора. И именно за этот поступок она потом проклинала себя до конца своих дней.

Доктор, вытирая вспотевший лоб, стоял перед графиней и сдержанно докладывал:

— В этом нет ошибки — это магическая лихорадка. Судя

по её состоянию, если девочка выживет, она станет довольно сильным магом.

— Магия? — ошеломлённо выдохнула Кэйт.

— Именно, госпожа, — закивал доктор. — Род Триваль в прошлом славился своими магами. Это настоящее чудо. Примите мои поздравления.

Но для графини в этом «чуде» не было ничего хорошего. Почему магия проснулась именно в этой девочке, а не в её собственном ребёнке? Что скажет граф, когда узнает?

В ту же ночь случилась беда — доктор погиб в несчастном случае с каретой. А няньку Грейс бросили в темницу графства: её обвиняли и в халатности, и в том, будто она довела дочь графа до тяжкого состояния. Тяготы заключения оказались ей не по силам — Грейс вскоре угасла, сломленная мраком и безысходностью темницы. Так в живых не осталось никого, кроме Кейт, кто знал бы истинную причину недомогания девочки.

Очнулась Элисон спустя несколько дней и, к своему удивлению, чувствовала себя прекрасно. Ни следа былой слабости, ни намёка на лихорадку. Единственным, что ощущалось особенно остро, был голод. Приподнявшись на постели, девочка огляделась в поисках хоть чего-нибудь съестного — и тут же замерла, скованная страхом. В дальнем углу, на стуле, сидела графиня.

— Очнулась? — спросила она, и в голосе её Элисон отчётливо услышала разочарование. — Почему? За какие гре-

хи ты появилась в моей жизни?

Девочка вцепилась пальцами в край одеяла, сжавшись, как испуганный зверёк. Что она могла ответить? Она и сама каждый день задавалась этим вопросом. Почему она появилась в этой семье, где никому до неё нет дела? Разве в этом была её вина?

Графиня поднялась и подошла к кровати. Какое-то время она молча смотрела на девочку сверху вниз, будто пыталась разглядеть в ней что-то, чего никак не могла найти.

— С сегодняшнего дня ты будешь заботиться о себе сама, — наконец произнесла она. — Грейс больше не будет. Кроме того, ты станешь помогать слугам по дому. Тебе уже семь лет — с простыми поручениями справишься. Ты всё поняла?

Элисон пыталась уложить эти слова в голове, но они казались слишком тяжёлыми, слишком окончательными. У неё было столько вопросов, но она не посмела задать ни одного.

— Если хочешь и дальше жить в этом доме, есть и носить чистую одежду, должна доказать свою пользу, — продолжила Кэйт. Затем она наклонилась, и Элисон инстинктивно вжалась спиной в подушку, стараясь оказаться как можно дальше. — Но если когда-нибудь попытаешься сбежать — я найду тебя. Найду и верну. И тогда ты пожалеешь, что вообще подумала о побеге. Ты носишь фамилию Триваль, и не имеешь права позорить это имя.

Элисон громко сглотнула, чувствуя, как страх стягивает горло тугим узлом. Ей хотелось просто закрыть глаза и спря-

таться, укрыться с головой одеялом, но даже на это не хватало смелости — а вдруг графиня решит, что это уже неповиновение?

— Запомни: если ты Триваль, ты должна быть полезной, — ровным голосом повторила Кэйт и выпрямилась.

Способность свою Элисон обнаружила совершенно случайно. Следуя приказу графини, она теперь помогала слугам: протирала пыль, натирала серебро, выполняла мелкие поручения — всё, что было ей по силам. Однажды, когда граф отсутствовал около месяца, объезжая свои земли, он вернулся и зашёл в гостиную. В это время Кэйт пила чай, Айзек был на занятиях по фехтованию — его начали водить туда после слов графа, — а Элисон тихо, стараясь не привлекать внимания, протирала пыль. Именно в этот момент в комнату вошёл Кристоф. Едва переступив порог, он замер, и его взгляд остановился на девочке.

— Чем она занимается? — холодно бросил Кристоф, едва переступив порог гостиной.

— И вам здравствуйте, дорогой супруг, — с едва уловимой издёвкой отозвалась Кэйт, чуть приподняв чашку, будто отдавая насмешливый салют.

Элисон замерла, словно испуганный зверёк, прижимая к груди ветошь так крепко, будто это был единственный щит от надвигающейся грозы.

— Я спросил, что всё это значит? — граф нахмурил брови, и в его голосе зазвучали стальные нотки, от которых даже

воздух в комнате будто стал холоднее.

— А что не так? — Кэйт склонила голову набок, изображая наивное недоумение, но в её глазах плясали упрямые искры.

— Мне напомнить то, что я говорил? Эта девчонка…

— Твоя дочь, — резко перебила его графиня, ставя чашку на блюдце с таким звуком, будто хотела разбить фарфор. — Да, я помню. Ты никогда не упускаешь случая ткнуть меня в это носом. В свою очередь, — продолжила она, не давая ему вставить слово, — позволь и мне напомнить о нашем уговоре.

Граф не ответил. Ни единого слова. Просто развернулся и вышел, даже не взглянув на Элисон — будто её и не существовало вовсе. Кэйт на мгновение прикрыла глаза ладонью, словно пытаясь удержать внутри бурю, и посидела так, в звенящей тишине. Элисон, стараясь не шуметь, вернулась к протиранию мебели.

— Отнеси это на кухню, — вдруг бросила графиня.

Девочка тут же метнулась исполнять приказ. Потянувшись за чашкой, она неловко коснулась руки Кэйт. В тот же миг странное, обжигающее чувство пронзило её — будто по коже пробежал разряд. Элисон резко одёрнула руку, и чашка, выскользнув из пальцев, с жалобным звоном разбилась о пол.

Она в ужасе уставилась на свою ладонь: от кончиков пальцев вверх по руке стремительно бежали чёрные всполохи,

похожие на тонкие трещины, наполненные тьмой. Девочка вскрикнула. Кэйт вскинула голову, удивлённо глядя на неё. А когда увидела, что творится с рукой Элисон, вскочила на ноги — и тут же застыла, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Ты… — выдохнула она, голос дрогнул. — Что ты сделала?

— Я не знаю, — прошептала Элисон дрожащим голосом. Чёрные искорки на её коже погасли, растаяли, словно их и не было.

— Это… — Кэйт медленно поднесла ладонь к виску. — Моя голова… Она больше не болит, — пробормотала она, снова переводя взгляд на девочку. — Значит, твоя сила…

Элисон смотрела на графиню, не понимая ничего: её нижняя губа дрожала, глаза были полны слёз. О какой силе она говорит? Что вообще происходит? Кэйт резко схватила её за плечи, пальцы впились в тонкую ткань платья.

— Ты не должна никому об этом рассказывать. Ты поняла меня? — встряхнула она девочку, и в этом жесте не было ни капли нежности — только жёсткая, отчаянная необходимость.

— Да… да! — пролепетала Элисон, едва сдерживая слёзы.

А потом пришла расплата. Та боль, которую она невольно забрала у графини, вернулась к ней — вдвойне, втройне, словно мир решил воздать ей сполна. Голова будто раско-

лолась изнутри, боль пронзила каждую клеточку. С криком Элисон рухнула на колени, вцепившись руками в виски.

— Что с тобой? — удивлённо нахмурилась Кэйт, глядя на неё сверху вниз. — Эй, там! На помощь!

Что было дальше, Элисон не помнила. Когда она снова открыла глаза, графиня стояла рядом и, наклонившись, тихо, но твёрдо повторила: ни слова никому. И девочка, дрожа всем телом, послушно кивнула.

Спустя полгода дом Тривалей всколыхнула радостная весть: Кэйт ждёт второго ребёнка. Но ещё до его рождения случилась беда. На седьмом месяце беременности графини, когда Айзек упал с лошади во время тренировки и сломал ногу, весь дом превратился в вихрь криков и суеты.

— Неужели во всём городе не найдётся ни одного приличного доктора?! — металась по комнате графиня, сверкая глазами, полными ярости и страха.

— Мама, больно! Мне ужасно больно! — захлёбывался слезами Айзек, и его крик эхом отдавался в коридорах.

Кэйт тут же бросилась к сыну, гладила его по голове, шептала, что всё будет хорошо, одновременно срываясь на слуг, требуя немедленно найти доктора.

— Где граф? Вы сообщили ему? — она резко обернулась к дворецкому, и её лицо, бледное и напряжённое, выдавало всю ту бурю, что бушевала внутри.

Дворецкий Ханс, мужчина средних лет в идеально отглаженном костюме и очках, опустил глаза. Его сжатые за спи-

ной руки и едва заметная дрожь в пальцах говорили больше любых слов. Элисон видела это — и понимала: он не хочет ранить хозяйку. Если даже восьмилетняя девочка смогла прочесть это в его взгляде, то Кэйт и подавно всё поняла.

— Ему всё равно… — тихо, почти беззвучно произнесла она, и голос её сломался, будто тонкая ветка под тяжестью снега. — Ведь так?

— Прошу прощения, госпожа, — склонив голову, тихо ответил дворецкий. — Господин сказал, что эта ситуация не требует его присутствия. Достаточно привести к юному господину доктора.

— Его сыну плохо, а он даже не… — Кэйт не смогла закончить. Слова застряли в горле, задушенные обидой и гневом.

— Мамочка, — снова всхлипнул Айзек.

— Мама здесь, мама рядом, — шептала Кэйт, гладя сына по волосам. — Ну чего же вы стоите?! Скорее приведите доктора!

Дворецкий метнулся к дверям. Элисон и две служанки остались стоять в комнате — им велели быть под рукой на случай, если госпоже или юному господину что-то понадобится. Глядя на этот хаос, поднявшийся из-за одной травмы, Элисон с тихой, горькой грустью подумала: когда она сгорала в лихорадке, никто не метался, никто не кричал, никто не требовал доктора. Всем было всё равно.

— Вы все пошли вон, — вдруг резко сказала графиня,

оборачиваясь к служанкам.

Девушки, а вместе с ними и Элисон, торопливо поклонились и поспешили к выходу.

— Элисон, останься, — неожиданно окликнула её Кэйт.

Девочка вздрогнула. За все восемь лет своей жизни она впервые услышала, как графиня произносит её имя. Служанки, бросив на неё изумлённые взгляды, скрылись за дверью. Элисон осталась стоять на пороге, сжимая в руках передник, будто он мог её защитить.

— Подойди, — приказала графиня.

Элисон осторожно приблизилась. Айзек метался в бреду, его лицо искажала боль, дыхание было прерывистым. Кэйт стояла на коленях у кровати, крепко сжимая руку сына, опустив голову.

— Сделай это, — глухо, не поднимая глаз, сказала она.

— Сделать что? — не поняла Элисон, нахмурившись.

— Забери его боль, — всё так же, не глядя на неё, повторила Кэйт.

Глаза девочки широко распахнулись. Она помнила тот раз: странные вспышки, жар, а потом — невыносимую, разрывающую изнутри боль. Элисон попятилась, делая несколько торопливых шагов назад.

— Я… не могу… я боюсь…

Но Кэйт вдруг подалась вперёд и схватила её за руку с неожиданной для беременной женщины силой. Она буквально заставила девочку коснуться Айзека. И снова вспыхнули

те же чёрные всполохи, окутав руку Элисон. Жар в месте соприкосновения становился всё сильнее, почти обжигающим. А Айзек понемногу затихал: его судорожные движения слабели, дыхание выравнивалось, лицо разглаживалось, будто кто-то стёр с него маску страдания.

— Госпожа! — захныкала Элисон, пытаясь вырвать руку. — Мне больно!

Но Кэйт не слушала. Её взгляд был прикован к сыну, к тому, как уходит его боль. Для неё сейчас не существовало ничего, кроме этого. Когда Айзек наконец затих, дыша ровно, будто просто уснул, Кэйт наконец отпустила руку девочки. Элисон по инерции отшатнулась, сделала несколько неверных шагов. Вспышки на коже ещё мерцали, но быстро угасали. Она затаила дыхание, ожидая удара боли — как в прошлый раз. И он пришёл.

Яркая, ослепляющая вспышка невыносимой боли на миг лишила её сознания. Мир потемнел, перед глазами замелькали чёрные точки, в ушах поднялся оглушительный шум. Боль разрывала каждую частичку тела, не оставляя ни единого уголка, где можно было бы спрятаться. Последнее, что она увидела, прежде чем тьма окончательно поглотила её, — облегчённое лицо Кэйт, которая склонилась и поцеловала руку сына.

О скандале между графом и графиней Элисон узнала позже — из тихого шёпота служанок, приставленных следить за её состоянием. Сама она уже очнулась, но тело всё ещё бы-

ло свинцовым и слабым, словно из него вынули все кости. Девочки, сидевшие у её постели, даже не заметили, что она пришла в себя: им куда интереснее было обсуждать ссору хозяев, обрывки которой доносились из коридора.

— Ты ведь знала с самого начала — я предупреждал, — пересказывала одна из них слова графа. — Говорил прямо: никогда не полюблю тебя, не стану дорожить ни тобой, ни детьми, которых ты родишь. Этот брак — не мой выбор, и я не собирался прятать правду за сладкими словами. Теперь не смотри на меня с этой надеждой в глазах. Не жди тепла, которого не будет. Я исполню свой долг — этого от меня требуют. Но не проси у меня того, чего во мне нет.

Эти холодные, безжизненные слова звучали в ушах Элисон, смешиваясь с шумом в голове и пульсирующей болью в висках. Она лежала с закрытыми глазами, вслушиваясь в крушение мира, который привыкла считать своим, и чувствовала, как внутри что-то окончательно обрывается.

Дверь её комнаты резко распахнулась, и на пороге появилась Перла. Окинув взглядом разом замолчавших служанок, она повернулась к кровати.

— Очнулась? Наконец-то, — хмыкнула она. — Тебя зовут господа.

Служанки удивлённо обернулись к девочке — в отличие от горничной, они даже не заметили, что она давно не спит.

— Одеж… — Элисон попыталась выдавить хоть слово, но горло было сухим, будто выжженная земля.

Не дав ей ни напиться, ни даже накинуть на плечи шаль, Перла грубо схватила её за руку и потащила к выходу. Элисон едва успевала переставлять босые ноги по ледяным плитам пола. Рабочее платье, промокшее от пота, когда она билась в горячке, неприятно холодило и липло к телу, словно вторая, чужая кожа. Но Перле не было ни малейшего дела до её неудобств. Втолкнув её в гостиную, горничная поклонилась и застыла у дверей.

Граф и графиня уже были там. Кристоф стоял у незажжённого камина, Кэйт — у окна. Оба демонстративно не замечали друг друга, но напряжение между ними было таким плотным, что, казалось, его можно было резать ножом.

— Как видишь, с ней всё в порядке, — холодный, звенящий голос Кэйт заставил Элисон вздрогнуть.

Кристоф бросил на сжавшуюся падчерицу свой привычный ледяной взгляд. Она из последних сил старалась держаться прямо, не выдавая, как тяжело ей на самом деле — будто из неё выжали все силы и оставили лишь пустую оболочку.

— Лучше бы так волновался о своём законном наследнике, — с горькой усмешкой произнесла Кэйт.

— Волноваться? — граф чуть приподнял бровь. — Каждый раз этот мальчишка поднимает шум из-за пустяков. Мне порой становится стыдно, что когда-нибудь именно он займёт место главы рода Триваль.

— Кристоф! — резко обернулась к нему графиня.

— Что? — спокойно выдержал её взгляд мужчина. — Весь день меня донимали твои посланники. А я, к твоему сведению, находился на очень важной встрече. Если хочешь и дальше жить в достатке, мне необходимо работать. Конечно, для тебя, избалованной любимой дочери богатого отца, это слово незнакомо, но оно существует. По словам слуг, мальчишка был едва ли не при смерти. И что я застал, вернувшись? Он, как всегда, поглощал сладости среди вороха подушек. Где его перелом? Очнись! Ты сама избаловала его, потакая любому его капризу. Поднять такой шум всего лишь из-за того, что отбил себе задницу. Позор!

Элисон чувствовала себя мышонком, зажатым между двух шипящих котов. Но главное, что она выхватила из разговора, — перелома у Айзека больше не было. Вчера он точно был на месте, она видела это собственными глазами, когда помогала накладывать шину. Почему граф говорит, что перелома нет? Догадка, холодная и пугающая, осенила её, заставив поднять взгляд на графиню. Кэйт с поджатыми губами смотрела прямо на падчерицу. В этом взгляде буквально читалось: молчи. Не смей говорить. И Элисон молчала. Она знала: стоит ей открыть рот, как наказание за болтливость не заставит себя ждать. Возможно, если бы отец относился к ней хоть каплю теплее, она решилась бы рассказать ему обо всём, попросила бы помощи и защиты. Но это было не так. Ему не было никакого дела до собственной дочери.

— Я уезжаю в столицу, — наконец бесцветным голосом

сказал граф.

— Что? — удивилась Кэйт. — Зачем?

— Ты ещё спрашиваешь? — Граф резко обернулся к жене, и в его взгляде мелькнуло раздражение, почти презрение. — Да я бы хоть сейчас умчался на край света, лишь бы не видеть ни тебя, ни этого дома. Мой экипаж, должно быть, уже готов — не стану задерживаться. Я пришлю для Айзека учителей из столицы. Пора ему заняться делом, а не тратить дни впустую. Через два года предстоит поступать в королевскую академию, а он до сих пор ведёт себя как избалованный мальчишка, не понимающий, какая честь и ответственность его ждут. Пусть хоть теперь возьмётся за ум.

— Но… — выдохнула Кэйт, и голос её дрогнул, словно хрупкая нить, готовая вот-вот порваться.

Рука невольно легла на большой округлый живот — на то самое тихое убежище, где билось ещё не родившееся сердце. Седьмой месяц. Ещё немного — и мир услышит крик их второго ребёнка, и дом наполнится новым дыханием, новой надеждой… если только в нём ещё оставалось место для надежды.

Взгляд графа скользнул вниз — и застыл на её животе. Он даже не попытался скрыть то, что бушевало внутри: ни холодность, ни раздражение, ни ту глухую тяжесть, что тянула его вниз, будто якорь в шторм. Челюсть сжалась так, что, казалось, вот-вот хрустнет кость — жёсткая, неподвижная маска, в которой не было ни капли тепла. Он смотрел на

жену и на ещё не родившегося ребёнка так, будто один их вид причинял ему почти физическую боль — словно перед ним было не обещание новой жизни, а тяжёлое, нежеланное бремя, которое он нёс против воли.

— Ты сама этого хотела. Ты хотела ещё одного ребёнка. Вот, пожалуйста. Чего ты боишься? Родила первого, родишь и второго, — пожал плечами граф, будто в его словах не было ничего важного. — Если потребуются дополнительные деньги, скажешь дворецкому. И прошу впредь больше не беспокоить меня по пустякам.

Подхватив с кресла пиджак, Кристоф твёрдым, чеканным шагом направился к дверям.

— Это всё из-за неё, да? — голос Кэйт, наполненный горечью и презрением, заставил графа замереть на пороге. — Ты до сих пор не забыл мать этой девчонки? Это из-за неё ты так ненавидишь меня? Ненавидишь наших детей?

Несколько мгновений он стоял неподвижно, молча. Лишь тяжёлое дыхание разъярённой графини нарушало тишину комнаты. Элисон чувствовала, что ей становится всё хуже: слабость в теле разрасталась, словно трещина во льду. Бросив быстрый взгляд на отца, девочка застыла. Граф смотрел на неё. Смотрел каким-то нечитаемым, особенным взглядом, от которого Элисон захотелось провалиться сквозь пол, исчезнуть, стать невидимой.

— Раз уж это действительно так, почему бы тебе не забрать свою дочурку с собой? — перешла на крик Кэйт. —

Почему ты повесил её на мою шею? Заставляешь каждый день смотреть на неё и думать о той, другой женщине, от тени которой мне никогда не избавиться!

— Ты сама ответила на свой вопрос, — бросил граф, даже не обернувшись к жене. — Она здесь, чтобы ты никогда не забывала, чего я лишился по твоей милости. И не забывай, что будет, если вдруг она куда-то пропадёт.

После этих слов граф ушёл. В закрывшуюся за его спиной дубовую дверь с оглушительным звоном ударилась стеклянная ваза. Осколки брызнули в разные стороны. Один из них задел щёку Элисон, прочертив тонкую красную линию. Тяжело дыша, Кэйт медленно осела на пол. На шум тут же набежали перепуганные слуги.

В ту же ночь родилась младшая дочь графа — Беатрис Триваль. Её появление на свет стало для Элисон сущим адом. Девочка родилась недоношенной и с самого начала была слабой здоровьем. Чтобы хоть немного облегчить её страдания, Кэйт раз за разом обращалась к силам падчерицы. Каждый раз Элисон было так же плохо, как в первый, но постепенно она начала привыкать к этой выжигающей изнутри боли.

К десяти годам, когда Айзек действительно отправился в королевскую академию, а Беатрис исполнилось два года, Элисон уже настолько привыкла ко всему, что потеряла всякую жажду жизни. Отношение к ней становилось всё хуже. Поняв, что граф окончательно покинул дом, а графине от-

кровенно наплевать на падчерицу, слуги тоже перестали обращаться с ней как с членом семьи Триваль. Слово «убогая» было одним из самых безобидных среди всех, что ей довелось услышать.

О даре Элисон знала только Кэйт. Она хранила эту тайну как зеницу ока. Из всех слуг о способностях девочки было поведано лишь Перле — и если горничная думала, что госпожа доверяет ей из расположения, то на самом деле причина была куда прозаичнее: глупой, недалёкой Перле просто никто не поверит. Даже Айзек не знал о магии сестры. Если бы кто-то узнал о способностях Элисон, это могло бы изменить отношение графа к бастарду, а значит, стало бы угрозой благополучию законных детей графини. Поэтому Кэйт держала всё в секрете.

Так прошло ещё восемь лет. За всё это время граф ни разу не приехал в родовое поместье. Он даже ни разу не видел свою младшую дочь. Беатрис росла, окружённая слепой любовью матери, получала дорогие подарки от «папы», а при своих внезапных приступах боли неожиданным образом поправлялась и с каждым разом становилась всё здоровее. Вот только Элисон лучше не становилось — но всем было абсолютно наплевать.

Взяв графиню за руку, Элисон с силой сцепила зубы. Уже привычные чёрные искры окутали их сцепленные ладони. Кэйт, прикрыв глаза, с облегчённым вздохом выдохнула — боль, терзавшая её виски, отступила.

— Мамочка, ты вернулась? — раздался детский голосок от дверей.

Элисон медленно убрала руку. Тяжело выдохнув, она упёрлась ладонями в пол, чтобы не упасть. Скоро должен был начаться откат, и лучше бы ей вернуться в свою каморку, но на кухне ждала недомытая печь, а в прачечной — целая гора белья. Кэйт, не бросив на падчерицу ни единого взгляда, поднялась с места и пошла навстречу любимой дочери.

— Вернулась, моя хорошая. Твои уроки уже закончились? — ласковым голосом обратилась графиня к Беатрис.

— Да, мама. Сегодня мадам Калис… — их голоса стихли, когда тяжёлые двери за их спинами закрылись.

Элисон осталась в огромной, залитой солнцем гостиной совершенно одна.

Глава 2

Ларитан был жемчужиной побережья — тихий городок, который высшая аристократия облюбовала за его целительную близость к морю. Влажный, соленый бриз даровал здоровье и долголетие, а потому еще в дни своего основания Ларитан привлек знатные капиталы. Едва заложив первый камень городской площади, влиятельные семьи поспешили выкупить лучшие земли для строительства летних резиденций. Одной из таких семей были Тривали. Старинное поместье, возведенное первым графом у самого подножия скал, со временем превратилось в родовое гнездо, где сменяли друг друга поколения будущих правителей этих земель.

Но для Элисон этот дом никогда не был родным. Если для прочих он хранил память о светлых днях, то для нее стены усадьбы пропитались лишь нескончаемой болью и вечным унижением. Единственным убежищем Элисон, где можно было перевести дыхание и остаться наедине с собственными мыслями, стала заброшенная бухта. Скалы укрывали ее от чужих глаз, замыкая песок в идеальный круг, напоминающий огромную перевернутую чашу. Только здесь Элисон могла позволить себе сладкую иллюзию свободы.

Тихий шелест волн ласково врачевал ее истерзанную душу. Опустившись прямо на остывающий песок, девушка следила за тем, как солнце медленно склоняется к горизонту.

Эта картина, повторявшаяся бесчисленное множество раз, каждый раз безраздельно захватывала ее дух.

Последний «сеанс лечения» случился всего несколько дней назад, но тело Элисон до сих пор содрогалось при одном воспоминании. Мышцы давно привыкли к бесконечной боли, научились терпеть ее механически, но разум отказывался смириться. Упав навзничь в мягкий песок, она смотрела, как по лиловому небу бегут рваные облака.

«Вот бы стать такой же легкой... И улететь вместе с ними», — подумала девушка, протягивая руку вверх в отчаянной попытке коснуться хотя бы края плывущей тени.

Пальцы сжались в пустоте. Рука безвольно упала обратно на землю. Это невозможно. Ей никогда не покинуть владения Тривалей. Графиня не бросает слов на ветер; она перевернет каждый камень, задействует все связи, но рано или поздно найдет беглянку. И тогда участь наказания за дерзость будет воистину страшной. Вздохнув, Элисон перекатилась на бок.

Зимой им с Айзеком исполнилось восемнадцать. Уже этим летом наследник графа должен вернуться домой после окончания королевской академии. Из обрывков разговоров Кэйт и Беатрис Элисон знала, что по случаю выпуска готовится грандиозный бал. Графиня намеревалась торжественно отметить не только завершение сыном обучения, но и его вступление в совершеннолетие.

День рождения Айзека…

Поскольку обществу их представили как близнецов, в тот день свое восемнадцатилетие формально встретил и второй ребенок. Но, как и всегда, про существование Элисон предпочли забыть. Впрочем, она и сама не знала своей настоящей даты рождения. Все, что ей было известно — она появилась в доме графа за месяц до появления на свет Айзека. Значит, она старше него минимум на тридцать дней. Как обстояли дела в действительности, оставалось лишь гадать.

Мысли девушки привычно метнулись к главной тайне. Кем была ее настоящая мать? Любила ли она дочь хоть мгновение? Как оказалась в руках всемогущего графа? Жива ли она до сих пор? У Элисон скопились сотни вопросов, но ответов не существовало. Спрашивать было некого. Граф замолчит, едва услышав намек, а графиня и сводная сестра сами пребывали в полном неведении.

Тем временем жизнь в поместье текла своим чередом. С каждым новым «сеансом» здоровье Беатрис заметно крепло. За последние два года жестокие приступы, мучившие девочку прежде, отступили окончательно. Теперь, по прямому приказу графини, Беатрис штудирует науки и уже осенью отправится поступать в ту самую академию, которую Айзек вскоре покинет с дипломом в кармане.

Он завершил обучение, Беатрис только собирается переступить порог альма-матер. Элисон же… Элисон никто даже не подумал дать шанс взять в руки книгу под присмотром учителя. Все, что хранилось в ее голове, было добыто украд-

кой. Когда столичные наставники приезжали давать уроки Айзеку, она пряталась в полумраке огромной библиотеки, замирая за стеллажами. Она впитывала знания, предназначенные брату, словно губка. Когда Айзек путался в элементарных формулах, Элисон искренне недоумевала: как можно не понимать настолько простых вещей? Он ненавидел свои занятия, она же обожала их всей душой. Интересно, каких высот она могла бы достичь, если бы имела право сесть за парту? Каково это вообще — учиться? Ходить на лекции, слушать профессоров, сидеть на зеленой лужайке во время перемены и смеяться с друзьями. Друзьями… Их у нее тоже не было. В стенах поместья ее считали глупой, нелюбимой дочерью, за его пределами — одной из неприметных служанок. Ее отсутствие на любых приемах оправдывалось официальной версией о «крайне слабом здоровье».

Да, более жалкой судьбы и представить нельзя.

Скрутившись дрожащим калачиком на холодном песке, Элисон сама не заметила, как провалилась в тяжелый, беспокойный сон.

***

Её разбудило влажное, прохладное прикосновение к щеке. Элисон распахнула глаза и подавила готовый сорваться с губ вскрик. Прямо перед ней, заслонив собой полнеба, застыл огромный черно-рыжий пёс. Склонив тяжелую голову набок, животное с тихим любопытством разглядывало девушку, сидящую на остывшем прибрежном песке.

Элисон смотрела в ответ, не смея шелохнуться.

— Привет? — голос дрогнул, выдавая её испуг. — Ты откуда здесь взялся?

Она стремительно обернулась. Бухта была пуста: ни рыбацких лодок, ни следов на мокром песке. Бродячий? Взгляд снова метнулся к собаке. Нет, слишком уж ухоженной лоснилась его густая шерсть, да и мощная грудь ровно вздыхала в спокойном ритме.

— Надеюсь, ты не станешь пробовать меня на зуб? Я невкусная, честное слово. Сплошные кожа да кости, — нервно рассмеялась Элисон, протягивая к нему заметно дрожащую ладонь.

Пёс не выказал ни тени агрессии. Наоборот, он сам подался вперёд, настойчиво подсунув массивную голову под её пальцы, требуя ласки. Плечи девушки обмякли. Страх отступил, сменившись теплой волной доверия, и она инстинктивно подвинулась ближе.

— Какой же ты мягкий… — восторженно выдохнула она, зарываясь пальцами в густой мех.

Словно поняв, что заслужил похвалу, зверь принялся щедро умывать лицо девушки горячим шершавым языком. Ощущение было настолько щекотным, что Элисон звонко расхохоталась, отмахиваясь. Обхватив могучую шею руками, чтобы отстраниться, её ладони наткнулись на плотную полоску кожи. Ошейник. Она не заметила его сразу из-за роскошного меха. Присмотревшись внимательнее, девуш-

ка различила тусклый блеск металла: на тяжелой железной бляшке было выбито всего одно слово.

— Зарра? — по слогам прочитала Элисон. — Так вот как тебя зовут.

Услышав своё имя, гигант гулко тяфкнул, заставив эхо отразиться от гранитных стен ущелья.

— Приятно познакомиться, Зарра, — улыбнулась она, почесывая его за ухом. — А я Элисон. Но где же твой хозяин?

Она вновь огляделась по сторонам, и вдруг ледяная игла пронзила сознание. Солнце! Оно уже почти утонуло в свинцовой воде, окрасив небо над скалами в тревожный багрянец. Ей нужно немедленно вернуться в поместье до того, как закроют ворота. Если заметят её долгое отсутствие, наказания не избежать.

— Прости, мой хороший, мне пора бежать! — выпалила Элисон, торопливо поднимаясь на ноги и отряхивая юбку от песка. — Надеюсь, мы ещё увидимся!

Махнув ему на прощание, она бросилась вверх по узкой козьей тропе, ведущей от берега к старой дороге. Массивный пес лишь проводил её долгим взглядом, прежде чем бесшумно кануть в тенях нависающих утёсов.

***

До выпуска Айзека оставалось всего два месяца. С каждым днем воздух в поместье Триваль становился все более наэлектризованным, и Кейт уже начала неспешные сборы к отбытию в столицу.

— Возможно, это не мое дело и я не вправе задавать такие вопросы… — замялся дворецкий Ханс, нервно теребя серебряную пуговицу на ливрее. — Госпожа, а граф не будет против вашего отъезда?

Кейт медленно опустила на стол кипу счетов. Подняв глаза на стоящего сбоку мужчину, она встретилась с ним взглядом лишь на мгновение. Этого хватило, чтобы тот виновато потупился в пол. Он не имел в виду ничего дурного. Лишь искренняя жалость и желание уберечь госпожу от новых бед подтолкнули его задать этот неприятный вопрос.

Проведя двадцать лет под этой крышей, двенадцать из которых она ни разу не покидала имение дольше чем на сутки, Кейт знала своего дворецкого как никто другой. Она чувствовала его безграничную преданность и молчаливое осуждение того, как граф относится к своей супруге.

— Если вы намекаете на то, что мне нужно испрашивать разрешение графа, то напрасно беспокоитесь, — спокойно ответила женщина, сняв очки для чтения и отложив их в сторону. — Достаточно того, что он игнорировал нас все эти десять лет и ни разу не видел лица собственной дочери. Меня ничто не остановит: я поеду на выпускную церемонию сына, которого также не видела более восьми лет.

Ханс покорно склонил голову. Дворецкий и графиня вернулись к обсуждению бюджета поместья на следующий месяц и предстоящего бала в честь совершеннолетия Айзека.

— Мамочка? — тихо позвала мать Беатрис.

Дочь графа сидела здесь же, в глубоком кресле у камина, и вместе со своей нянькой увлеченно листала тяжелый каталог портного.

— Да, милая? — обернулась к ней Кейт.

— А я точно понравлюсь своему братику? — спросила девочка со всей присущей ей детской наивностью.

— Конечно же, дорогая, — тут же улыбнулась графиня. — Ты же сама читала письма Айзека. Он считает дни до встречи с тобой.

— А папа?

На этот простой вопрос Кейт не смогла дать быстрого ответа. Кристоф Триваль оказался настолько мелочным человеком, снедаемым ненавистью к жене, что даже ни разу не приехал взглянуть на лицо собственного ребенка.

— Юная госпожа, посмотрите сюда, — видя замешательство хозяйки, няня поспешила отвлечь девочку. — Мне кажется, карамельный шелк идеально подойдет к вашим прекрасным карим глазам и каштановым волосам.

Беатрис снова углубилась в изучение каталога, а графиня заметно облегченно выдохнула. Элисон наблюдала за этой сценой, застыв у стены бессловесной тенью. Сегодня она выполняла роль «принеси-подай», носясь по кабинету с поручениями. Какая-то часть её души действительно сочувствовала Беатрис, никогда не знавшей отцовской любви. Но разве имела право на сочувствие та, кто не знает даже имени родной матери? Та, кого ежедневно подвергают унижениям

и наказаниям? К тому же, именно из-за Беатрис Элисон пришлось вытерпеть столько боли. Пусть девочка и не была виновата в своих приступах, вины Элисон в том, что в ней пробудился проклятый дар, тоже не было.

Да, Беатрис росла с куда более мягким характером, нежели Айзек, но она не гнушалась время от времени срывать свою досаду на «бедняжке Элисон». Пока это ограничивалось пролитым на паркет чаем или разбитой вазой, осколки которой неизменно заставляли собирать саму служанку. Но хуже всего было другое: младшая дочь графа быстро поняла, что маска невинности приносит огромную выгоду. Люди охотно верили её влажным от слез глазам, и потому Элисон и другим слугам приходилось страдать буквально на пустом месте.

— Ну что, дорогая, ты выбрала? — закончив с делами, графиня подсела ближе к дочери.

Некоторое время они оживленно обсуждали фасоны платьев, казалось, совершенно забыв обо всех остальных проблемах. Улыбающиеся, смеющиеся мать и дочь. Что может быть прекраснее? И пока они занимались этим, мысли Элисон невольно вернулись в ту самую бухту, к неожиданной встрече, состоявшейся совсем недавно. Интересно, вернулся ли Зарра к своему хозяину? Все ли с ним хорошо?

Неожиданно девушка поймала на себе взгляд Беатрис. Тот самый хищный прищур, который появляется у нее, когда в маленькой головке зарождается очередная жестокая идея. И

кажется, в этот раз главной жертвой станет снова Элисон.

— Мамочка, а мы будем выбирать платья сестренке Элисон? — подняв на мать свои огромные невинные глаза, пропела девочка.

— Элисон? — нахмурив тонкие брови, переспросила графиня.

— Ну конечно! Раз мы устраиваем бал для братика Айзека, а они с сестренкой — близнецы, значит, это праздник и в честь дня рождения нашей Элисон, — продолжила плести словесное кружево Беатрис.

Теперь на Элисон смотрела и сама графиня. Её взгляд был холоден и полон привычного презрения, но сейчас к нему примешалась острая доля обвинения, словно эту идею только что озвучила сама девушка.

— Я хочу помочь с выбором! — радостно подпрыгнула в кресле Беатрис. — Мне кажется, для сестренки подойдет платье желтого цвета, точь-в-точь как её волосы!

В отличие от всех остальных членов семьи, обладавших густыми каштановыми локонами, волосы Элисон были светлыми, с едва заметным пшеничным оттенком. Если у отца и Беатрис глаза были темными, а у графини и Айзека — стальными серыми, то радужка Элисон сияла насыщенным зеленым цветом молодой весенней листвы. Лицом и телосложением она вообще ничем не походила на Тривалей. Словно вечное напоминание об измене мужа, брошенное прямо в лицо гордой аристократке.

— У моей дочурки поистине золотое сердце, — расплылась в улыбке графиня, повернувшись к девочке и поцеловав её в кончик носа. — Мы разберемся с нарядами Элисон чуть позже. А тебе лучше поспешить. Кажется, сегодня тебя ждут на чай юная баронесса Трейс?

В глазах Беатрис на долю секунды промелькнуло разочарование. Не такого исхода она ждала от матери. Девочка надеялась, что та вовсе опровергнет участие Элисон в празднике? Это и так было очевидно всем. Старшая дочь графа, близнец Айзека, «внезапно сляжет от обострения своей болезни» и не сможет принять участия в собственном дне рождения.

— Ах, точно! — всплеснула ладошками Беатрис. — Хлоя обещала подать клубничные пирожные, которые готовит их новый повар!

— Вот и замечательно. Поспеши и повеселись там, — мягко улыбнулась графиня.

Беатрис, звонко чмокнув мать в щеку, юркой птичкой выпорхнула за двери в сопровождении няньки и дворецкого. В кабинете остались только Элисон и Кэйт. Графиня поднялась с дивана и вернулась за свой массивный рабочий стол.

— Подойди, — коротко бросила она.

Элисон послушно замерла перед столешницей. Так она и думала. Сейчас её отругают за слова Беатрис. Графиня принялась постукивать ухоженным ногтем по дубовой крышке, внимательно разглядывая девушку.

— Как бы мне этого ни хотелось, но ты поедешь в столицу с нами, — наконец нарушила она звенящую тишину.

Элисон не сумела скрыть изумления. Вскинув голову, она посмотрела на госпожу, но застарелый страх тут же заставил опустить глаза долу.

— Понимаю, что ты удивлена, — криво усмехнулась Кейт. — Будь моя воля, ты бы никогда не покинула пределы этого поместья, а еще лучше — своей комнаты. Но выбора у меня нет. Пусть Беатрис больше и не страдает от приступов, неизвестно, как ее хрупкий организм перенесет такой долгий путь. Это будет её первое путешествие, и я должна перестраховаться.

То есть, её берут исключительно как живую батарейку на случай плохого самочувствия Беатрис. Элисон до побеления костяшек сжала складки грубой юбки. Графиню никогда не волновало самочувствие самой девушки, её желания или здоровье. Только благополучие собственных детей. А ведь для Элисон эта поездка тоже станет первым выходом в большой мир.

— За пределами этого дома тебя никто не знает. Поэтому будешь исполнять роль личной служанки. Тебе всё ясно? — властно спросила графиня.

— Да, госпожа, — глухо отозвалась девушка.

— Хорошо, — кивнула Кэйт и ненадолго задумалась. — Впрочем, Беатрис права. Тебе тоже необходимо купить пару приличных платьев. Если ты будешь представлять нашу фа-

милию, пусть даже в роли прислуги, то должна выглядеть достойно. Мы выезжаем в столицу в следующем месяце. Ступай.

Поклонившись ниже, чем требовал этикет, Элисон выскользнула из кабинета графини Триваль, плотно прикрыв за собой тяжелые створки дверей.

***

Время утекало сквозь пальцы, и до отъезда в столицу оставались считанные дни. Имение Триваль гудело растревоженным ульем: вся прислуга сбилась с ног, помогая хозяйке со сборами и одновременно готовя поместье к пышному балу. Кейт решила устроить праздник сразу по возвращении — к тому моменту приготовления будут завершены, а приглашенные гости успеют прибыть.

Был лишь один вопрос, который не давал графине покоя: приедет ли на торжество в честь совершеннолетия сына сам Кристоф? Хватит ли у него наглости проигнорировать и этот день? Сможет ли он опозорить её перед всем светом ещё сильнее?

Работы хватало на всех без исключения. Элисон была погружена в эту суету вместе с остальными. Как ни странно, именно в этом лихорадочном беге она чувствовала себя почти комфортно. Занятые подготовкой люди на время забыли о своих излюбленных издевательствах над ней. Но был и другой повод для тихой радости: дар спал. Ни у Беатрис, ни у Кейт ничего не болело, а значит, ей не придется вновь про-

пускать чужую боль через собственное тело.

За пару дней до отъезда Элисон чудом урвала час свободы и снова сбежала в бухту. Вспомнив о нежданном знакомстве, девушка прихватила с собой две свежие булочки из кухни. Вдруг повезет встретиться с ним вновь? А если нет — что ж, она и сама не откажется от угощения.

В её тайной гавани царило прежнее умиротворение. Волны всё так же тихо шуршали галькой, нашептывая сказки о неведомых землях, ветер ласково касался разгоряченной кожи. Тёплый песок манил прильнуть к себе. Поддавшись его беззвучным уговорам, Элисон сбросила туфли и пошла босиком, впитывая ступнями накопленное за день тепло.

— Зарра? Малыш, ты здесь? — негромко позвала она, всматриваясь в тени между скалами.

Ответом ей стал лишь шелест прибоя. Вздохнув с легкой горечью, Элисон поставила обувь на землю, рядом положила сверток с хлебом и, подобрав подол, вошла в воду по колено. Прохладная соленая вода приятно обволакивала ноги, смывая усталость последних недель. Прикрыв глаза от наслаждения, она отдалась этому мгновению.

Шаловливый ветер трепал выбившиеся из косы пряди. Это были те самые редкие минуты абсолютного покоя, которые стали для неё драгоценнее любых сокровищ. Мысли сами собой обратились к грядущей поездке. Девушка испытывала странную смесь липкого ужаса и пьянящего предвкушения. Возможно, это станет самым черным моментом её и

без того нелегкой жизни, а может быть — наоборот. Шанс увидеть мир за пределами этого крошечного городка и ненавистного поместья. Увидеть саму столицу. Постоять хотя бы у ворот академии, которая снилась ей в самых светлых мечтах.

Но оборотная сторона медали пугала. Айзек. Он тоже вырос за эти годы. Изменился ли он? Очерствел ли его характер еще больше, или брат наконец научился сочувствию? Вторым кошмаром маячила встреча с самим графом. Элисон была уверена: Кристоф Триваль придет в ярость от самоуправства «дорогой» супруги. Она ведь даже не предупредила его письмом. Сама же девушка неизбежно станет камнем преткновения. Они снова будут рвать друг друга на части, швыряя Элисон между собой, словно мячик для битья.

В стороне послышался громкий всплеск, оборвавший её невеселые думы, а следом раздался знакомый басовитый лай. Элисон распахнула глаза и улыбнулась. К ней навстречу прямо по мелководью, высоко подбрасывая мощные лапы, радостно несся Зарра. Не сбавляя скорости, он с разбегу врезался в девушку. Потеряв равновесие, та с коротким визгом рухнула в объятия моря.

— Зарра! — отплевываясь от соленой воды и пытаясь убрать с лица намокшие волосы, воскликнула она.

Она попыталась нахмуриться, глядя на пса снизу вверх, но долго изображать строгость не вышло. Каким бы невероятным это ни казалось, но на огромной морде читалось чи-

стое, щенячье счастье от их новой встречи.

— Я тоже рада тебе, глупый медведь, — рассмеялась Элисон, протягивая руку, чтобы почесать его за ухом.

Поднявшись, она медленно побрела к берегу. Тяжелое мокрое платье тянуло вниз, сковывая движения. Остановившись у самой кромки воды, девушка принялась выжимать густые волосы и хоть как-то собирать ткань юбки, стараясь стряхнуть ледяные капли. Зарра отчего-то принял её возню за приглашение к игре. Он прыгнул рядышком, окатив её веером холодных брызг.

— Зарра! — возмущенно прикрикнула Элисон, толкая тяжелую голову пса ладонью.

Тот счастливо тяфкнул в ответ. Прищурившись, Элисон медленно наклонилась, зачерпнула полную горсть воды и резко выплеснула её прямо в мохнатую морду. Пес ошарашенно замер, фыркая, но тут же понял правила новой игры. С оглушительным лаем он заметался вокруг девушки, раз за разом подпрыгивая и обрушивая на неё целые каскады брызг. Звонко смеясь, Элисон сорвалась с места, убегая вдоль берега. Началась веселая игра в догонялки.

— Зарра!

Элисон услышала этот властный окрик не сразу, увлеченная погоней. Резко остановившись, она обернулась на голос. В густой тени нависающей скалы стоял человек. Хозяин? Смахнув с ресниц соленую влагу, девушка сощурилась, пытаясь рассмотреть силуэт. Из-за приличного расстояния чер-

ты лица тонули во мраке, но очертания фигуры не оставляли сомнений — это был мужчина.

— Зарра, кто там с тобой? — снова позвал незнакомец чуть тише.

Неожиданный страх холодной змеей скользнул за шиворот. Сердце пропустило удар. Подхватив обеими руками тяжелый мокрый подол, Элисон поспешила выбраться на сушу. Бросив последний, полный паники взгляд на темную фигуру у скалы, она схватила свои туфли и бросилась бежать прочь, растворяясь среди прибрежных камней.

Глава 3

Путь от родового поместья Триваль до столицы Гиллис занял целую неделю. Путешествовали на двух каретах. В первой, роскошной и куда более комфортной, ехали графиня Кейт и юная Беатрис. Во второй, куда погрузили багаж, разместились Элисон, горничная Перл и нянька Беатрис — Джейн.

Перл недовольно фыркнула, будто сама дорога была ей личным оскорблением:

— Тц, и почему я должна трястись здесь вместе с этой убогой?

Джейн, не отрываясь от вязания, насмешливо хмыкнула:

— Может, потому что, даже будучи личной горничной хозяйки, ты всё равно остаёшься прислугой?

Элисон лишь на мгновение подняла взгляд — быстро, почти незаметно. На секунду ей показалось, что Джейн заступилась за неё… Но нет. Это была просто очередная стрела в сторону заносчивой Перл. В поместье давно шептались, что между этими двумя идёт холодная война за место главной служанки.

Мадам Мэй, которая больше тридцати лет занимала эту должность, объявила, что хочет уйти на покой. Её дети уже выросли, устроили свою жизнь, а младшая дочь звала её к себе. Мадам пообещала доработать в доме Триваль до конца

года, а графиня велела ей подготовить замену. Перл и Джейн считались главными претендентками: обе были приближёнными и к графине, и к её дочери.

— Будто ты чем-то отличаешься от меня, — зло прошипела Перл, сверкнув взглядом. — По крайней мере, от моего голоса у людей не возникает желания заткнуть уши, — спокойно парировала Джейн.

Спор вспыхнул с новой силой, и обе женщины тут же забыли о присутствии Элисон. Девушка не стала вмешиваться: ей даже было любопытно наблюдать за этой перепалкой. А заодно — за мелькающим за окном пейзажем, который плавно сменялся от тихих полей Ларитана к более оживлённым дорогам ближе к столице.

Путешествие завершилось без приключений. Ни графине, ни Беатрис не пришлось прибегать к силе Элисон. Опасения Кейт не оправдались: девочка перенесла дорогу спокойно, без осложнений.

Когда они въехали в столицу, пейзаж резко изменился. Гиллис бурлил и кипел жизнью: сотни, тысячи людей, кареты, лошади — всё сливалось в одну пёструю, шумную картину. Элисон жадно вглядывалась в улицы, стараясь ничего не упустить.

— Смотри, из окна не выпади, — рассмеялась Перл, заметив этот восторженный взгляд.

Столичная резиденция графа Триваля выглядела внушительно и богато — как и всё, чем он владел. От главных ворот

до самых ступеней особняка тянулась аккуратная аллея: по обе стороны росли декоративные кусты, а между ними стояли фонари, питавшиеся от магических камней.

У входа гостей встретил дворецкий. Он был моложе Ханса, но держался с такой безупречной осанкой, что казалось, будто спина у него ещё ровнее. При этом в его чертах угадывалось что-то знакомое — будто он был родственником того самого Ханса из родового поместья.

Дворецкий учтиво склонился:

— Добро пожаловать, госпожа, и юная госпожа.

Кейт неожиданно мягко улыбнулась:

— Здравствуй, Джоэль, давно не виделись. Ты изменился. Совсем уже взрослым стал. И на диво похож на Ханса.

— Мне уже за тридцать, госпожа, — улыбнулся в ответ мужчина.

Элисон мысленно кивнула: её догадка, скорее всего, была верна — эти двое точно были родственниками.

Затем Джоэль повернулся к Беатрис, которая застенчиво улыбалась:

— Юная госпожа, рад видеть вас в столичной резиденции. Меня зовут Джоэль, я дворецкий этого дома. Вы знаете моего отца, Ханса. Хочу заверить, что буду рад служить вам.

Беатрис ответила изящным реверансом и проговорила с обезоруживающей кротостью:

— Прошу, позаботьтесь обо мне, Джоэль.

Этот невинный, почти ангельский образ мог тронуть серд-

це любого. Только Элисон не спешила поддаваться очарованию. Она знала Беатрис куда лучше других и прекрасно понимала: за этой милой улыбкой прячется характер куда более острый, чем хотелось бы думать окружающим.

— К сожалению, мне не сообщили о вашем прибытии, и комнаты ещё не готовы, — снова обратился к графине Джоэль. — Но я немедленно отдам все нужные распоряжения — всё будет сделано быстро и в лучшем виде. А пока могу предложить вам согревающего чаю.

— Замечательная идея, — кивнула Кейт и, взяв Беатрис за руку, направилась к особняку.

Элисон и остальные девушки молча последовали за ними. Джоэль провёл всех в большую гостиную — она чем-то напоминала ту, что была в особняке в Ларитане.

Как только они оказались внутри, Кейт спросила:

— Джоэль, где граф?

Местные служанки быстро поставили перед графиней и её дочерью чай с закусками. Работали они куда расторопнее, чем прислуга в Ларитане. При этом девушки поглядывали на Элисон, Джейн и Перл с едва заметной насмешкой — в их глазах прибывшие были всего лишь деревенскими простушками. Элисон давно привыкла к таким взглядам, а вот Перл и Джейн ощущали эту снисходительность особенно остро: для них подобное отношение было внове и оттого особенно неприятно.

— Граф отбыл два дня назад в Соритайн, — любезно

пояснил Джоэль. — Там намечается весьма прибыльное дело, связанное с кораблестроением. Господин поспешил туда, чтобы успеть заключить сделку.

— Надеюсь, он хотя бы не забыл о выпускном своего сына? — как можно беззаботнее спросила Кейт, но тут же прикусила язык. Она заметила, как замерла рука Беатрис при этих словах.

Девочка и правда надеялась увидеть отца. Она боялась этой встречи, но всё равно мечтала о ней. И теперь, когда казалось, что она вот-вот окажется рядом с ним, выяснилось, что отца снова нет рядом.

— Что вы, госпожа! — Джоэль даже слегка замахал руками, торопясь развеять её опасения. — Господин никогда бы не забыл о таком важном для юного господина событии. Он должен вернуться как раз накануне торжества.

— Хорошо, — кивнула Кейт и ободряюще улыбнулась дочери.

Беатрис ответила слабой улыбкой и снова склонилась над чашкой чая, взяв кусочек печенья.

— Розмари, — обратилась графиня к старшей служанке столичной резиденции, — выдели комнаты для Перл и Элисон. Джейн размести рядом с покоями Беатрис — чтобы она всегда была неподалёку.

Миссис Розмари было всего сорок, но держалась она так, будто за плечами у неё уже полвека безупречной службы. Вдовий траур давно ушёл из её гардероба, сменившись пла-

тьями глухого бордового оттенка — цвета дорогой, выдержанной древесины и власти. Когда графиня заговорила о служанках, экономка окинула прибывших тяжёлым взглядом бледно-серых глаз.

Под этим сканирующим взором Элисон почувствовала себя ничтожной пылинкой. Миссис Розмари осматривала девушек долго и беззастенчиво — словно коннозаводчик, придирчиво выбирающий лошадей на ярмарке. Она задержалась на грубоватых ладонях Перл, едва заметно скривила губы, заметив слишком яркий румянец Джейн, и наконец остановила взгляд на Элисон.

— Вы зря привезли их сюда, госпожа, — проговорила миссис Розмари тихим, лишённым эмоций голосом. Она обращалась только к графине, полностью игнорируя самих девушек. Её взгляд снова скользнул по лицу Элисон, отмечая светлый оттенок волос и необычную зелень глаз. — Столичная жизнь требует совершенно иных навыков. Ваши загородные простушки хороши, чтобы трясти пыль из ковров во дворе имения. Здесь же они опозорят фамилию Триваль на первом же приёме. Местные девушки справились бы куда лучше: они знают, когда нужно стать невидимками, а когда — подать платок прежде, чем гость успеет кашлянуть. Впрочем… — она сделала едва уловимую паузу, от которой у Элисон по спине пробежал холодок, — раз уж вы лично доставили этот багаж, я найду им применение. Главное, чтобы они помнили своё место и не путались под ногами у на-

стоящей прислуги.

Атмосфера в гостиной мгновенно заледенела. До этого момента здесь слышался лишь тихий шелест шёлка, но теперь воздух будто сгустился от напряжения.

Кейт Триваль сидела на низком бархатном диване рядом с дочерью, медленно разглаживая пальцами тонкую замшу своих перчаток. При первых словах экономки она замерла, а затем её серые глаза, обычно подёрнутые дымкой усталости, потемнели, став похожими на грозовое небо перед бурей.

— Своей дерзостью, миссис Розмари, вы только что перешли границу моей снисходительности, — голос Кейт звучал обманчиво тихо, но каждое слово резало воздух, словно острая сталь. Она не повысила тона, и от этого угроза стала лишь весомее. — Позвольте напомнить: родовое поместье Триваль — колыбель нашего рода вот уже пятьсот лет. Называть его «провинцией» в моём присутствии может либо глупец, либо человек, который ищет расчётную книжку. Вы же не хотите прослыть первой?

Миссис Розмари стояла у камина, прямая как штык. За её спиной смущённо переминался с ноги на ногу дворецкий Джоэль.

— Что касается моих людей, — продолжила Кейт уже твёрже, — не вам судить о тех, кто десятилетиями хранил тайны моего дома. Пока столичная прислуга готова продать любой услышанный шёпот за пару серебряных монет и новое платье, мои люди знают, что такое верность. Ваши «иде-

альные» местные девушки видят в нас лишь кошельки, из которых сыплется золото.

Она чуть подалась вперёд, не сводя глаз с экономки.

— А теперь самое главное: запомните своё место, миссис Розмари. Я привезла этих людей сюда не для того, чтобы выслушивать критику своих решений от наёмного персонала. Мой муж носит титул, но этот дом содержу я. Если мне понадобится ваше мнение о том, как управлять слугами, я соблаговолю его спросить. А пока извольте проследить, чтобы вещи были распакованы до вечера. Вам всё ясно? Или мне попросить графа написать вашему предыдущему хозяину письмо с весьма… нелестными рекомендациями?

Кровь отхлынула от и без того бледных щёк миссис Розмари — её лицо стало пепельно-серым. Экономка склонила голову ровно настолько, насколько требовал этикет, пряча взгляд, в котором полыхала ледяная ярость.

— Прошу простить мою излишнюю заботу о репутации дома, — прошелестела она.

Элисон, стоявшая рядом с Перл и Джейн, заметила, что под маской непоколебимости миссис Розмари сейчас выглядела растерянной и словно бы слегка поверженной.

— Раз наши с Беатрис комнаты ещё готовятся, займитесь сейчас размещением привезённых со мной слуг, — Кейт лёгким взмахом руки отпустила экономку. — Позже я обязательно приглашу вас в кабинет для подробного разговора о делах в столичной резиденции и о том, как следует воспиты-

вать персонал.

Экономка снова склонила голову и жестом велела девушкам следовать за собой. Элисон и остальные шли позади, глядя на её идеально ровную спину. В этой осанке сквозила не просто собранность — в ней копилась злость.

Элисон понимала: миссис Розмари была не просто отругана — её унизили при подчинённых. Для женщины, привыкшей держать в руках всю жизнь дома, это был тяжёлый удар по гордости. И всё же, как ни странно, Элисон могла понять и мотивы графини. Миссис Розмари осмелилась указать хозяйке дома на её место — а это уже не дерзость, а вызов.

Насколько знала Элисон, экономка занимала эту должность лет пять или шесть. За всё это время она ни разу не видела графиню. Вероятно, миссис Розмари сделала вывод, что Кейт не только не любима супругом, но и не имеет никакой власти в доме. Столичные люди вообще умели чувствовать своё превосходство — и не важно, что социальный статус мог быть разным. Само проживание в Гиллисе будто давало им право смотреть на остальных свысока.

Все эти годы миссис Розмари фактически была хозяйкой дома — пусть и не по праву рождения. Она набирала персонал, следила за работой, распределяла оплату, решала все хозяйственные вопросы. Но теперь настоящая хозяйка вернулась.

Кейт была истинной аристократкой: дочерью маркиза Маркенлейна, любимой и бережно воспитанной отцом. Она

знала древние правила поведения, чувствовала, когда стоит быть мягче, когда — изгибаться, а когда нужно стоять твёрдо, как нерушимая скала. Как сейчас.

Однако одно тревожило Элисон — и, возможно, Перл и Джейн думали о том же. Миссис Розмари могла затаить обиду. И если против Кейт она теперь будет действовать осторожно, чтобы не потерять место, то те, из-за кого она получила этот урок, — Элисон, Перл, Джейн — станут самой лёгкой мишенью.

Экономка привела их на второй этаж. В конце коридора, в двух комнатах, кипела работа: слуги готовили спальни для Кейт и Беатрис. Местные служанки то и дело поглядывали на новеньких, перешёптывались и смеялись — громко, нарочно, так, чтобы каждая из прибывших с первых же шагов почувствовала своё «место». Чтобы сразу поняла: здесь они — никто.

Не оборачиваясь, миссис Розмари холодно спросила:

— Кто из вас нянька юной госпожи?

— Это я, — звонко отозвалась Джейн.

— Не обязательно так громко кричать, дорогая нянюшка, — цокнула языком экономка. Джейн тут же смутилась, будто слова ударили её по щекам, и опустила глаза, пряча неловкость.

Миссис Розмари остановилась у одной из дверей и наконец обернулась. В её взгляде не было ни капли теплоты — он словно предвещал бурю. Элисон снова почувствовала, как по

спине пробежал холодок, будто кто-то провёл ледяной иглой вдоль позвоночника.

— Будешь жить в этой комнате, — сухо бросила миссис Розмари, кивнув на дверь. — Нянька — это первый человек, на которого чаще всего будет равняться ребёнок. Радостно видеть, что юная госпожа не успела попасть под влияние некомпетентного человека.

На Джейн было больно смотреть. Она хлопала ртом, как выброшенная на берег рыба, не находя слов. Щёки её пылали, а в глазах застыл немой вопрос: за что? Элисон стиснула пальцы в кулаки, пряча их в складках платья. Она понимала: слова экономки несправедливы. Откуда Розмари знать, насколько Джейн хороша в своём деле? Может, из-за того, что та слишком громко ответила? Или просто попала под горячую руку? А хуже всего было то, что миссис Розмари снова, пусть и косвенно, подвергала сомнению решение графини — ведь именно Кейт утвердила Джейн на должность няньки. Урок, данный ей в гостиной, явно не пошёл впрок.

Краем глаза Элисон скользнула по местным служанкам. Те стояли чуть поодаль, переглядывались и снова хихикали — нарочито громко, чтобы все слышали. И тут Элисон подумала о Перл: уж она-то точно не упустит случая донести до графини каждое ядовитое слово Розмари.

В этот момент рядом возникла одна из служанок:

— Миссис Розмари, какие лучше свечи использовать в покоях юной госпожи?

— Сейчас, — коротко ответила экономка, не сводя с девушек тяжёлого взгляда, будто клеймя их этим молчанием. Затем она резко обернулась к другой служанке: — Марин! Подойди.

Марин замерла на мгновение, а потом покорно склонилась, будто перед госпожой, а не перед такой же наёмной работницей:

— Да, миссис Розмари.

Элисон невольно отметила эту почтительность. В родовом поместье в Ларитане к миссис Мэй относились с уважением, но никогда не ставили её на одну ступень с хозяевами. Здесь же всё было иначе: Розмари явно привыкла к безоговорочному подчинению, и слуги вели себя так, будто она — вторая хозяйка дома. От этого становилось не по себе. Жизнь в столичной резиденции и правда не обещала быть простой.

— Проводи этих двоих в комнаты прислуги и покажи, где есть свободные места, — приказала Розмари, а затем, полностью утратив к ним интерес, ушла, сопровождаемая той самой служанкой, что спрашивала про свечи.

— Идите за мной, — бросила Марин Перл и Элисон и, не дожидаясь ответа, направилась к лестнице.

Комнаты прислуги располагались на четвёртом этаже. Тесные, вытянутые помещения, где в одной комнате могли жить сразу шесть девушек. Марин шла уверенно, будто каждый поворот коридора был ей до боли знаком. Наконец она решительно свернула в одну из комнат.

Внутри сидели трое служанок. Видимо, у них выдалась свободная минута или подошла к концу смена: все были в форменных платьях, но уже без передников. Две девушки устроились на кровати и весело о чём-то щебетали, перебивая друг друга. Третья застыла у небольшого шкафа, держа в руках гребень для волос.

— Пока будете жить здесь, — не глядя, бросила через плечо Марин, указывая на дальний угол комнаты. — Те кровати как раз пустуют. Можете оставить вещи там. Девочки всё остальное вам объяснят.

С этими словами она развернулась и вышла, оставив Элисон и Перл стоять на пороге — чужих в этом тесном, наполненном чужим смехом и привычками пространстве.

— Новенькие? — небрежно бросила одна из тех, кто сидел на кровати.

— А я и не слышала, что нам нужны новые работницы, — задумчиво протянула вторая, чуть склонив голову.

— И почему их селят именно к нам? — фыркнула третья. — У Шарли и Анны тоже есть свободные койки.

— Да к Анне лучше никого не подселять, — снова заговорила первая девушка, хитро прищурившись. — Помните историю с Занной?

Все трое дружно рассмеялись. Когда смех понемногу стих, девушки вновь перевели взгляды на Элисон и Перл — те по-прежнему стояли в дверях, будто боясь сделать лишний шаг.

— Ну, кто такие будете? — не прекращая расчёсывать свои густые рыжие волосы, небрежно бросила служанка. — Меня, кстати, Далия зовут.

— Лидия, — отозвалась одна из девушек на кровати.

Она была самой высокой, с длинной русой косой, перекинутой через плечо, и внимательными серыми глазами, которые, казалось, подмечали каждую деталь.

— Меган, — добавила третья, самая младшая на вид, с россыпью задорных веснушек на курносом носу и двумя тугими каштановыми пучками. Она улыбнулась, и её лицо сразу стало очень живым и дружелюбным.

— Да не бойтесь, проходите, не покусаем, — рассмеялась Лидия.

— За себя говори, — хмыкнула Далия, но в её голосе не было злости — скорее привычная колкость.

— Меня зовут Элисон, приятно познакомиться, — вежливо улыбнулась девушка.

После сдержанной, почти ледяной миссис Розмари и молчаливой Марин Элисон уже успела приготовиться к худшему. Но сейчас, видя, что девушки настроены если не дружелюбно, то хотя бы не враждебно, она понемногу расслабилась. В груди шевельнулась робкая надежда: может, всё не так плохо, как она себе надумала. Элисон первой шагнула к одной из пустых кроватей.

Перл не спешила представляться. Она стояла, чуть приподняв подбородок, и всем своим видом выражала недоволь-

ство. Для личной горничной графини, привыкшей к уважению и отдельной комнате в родовом поместье, делить пространство с другими служанками — да ещё и вместе с Элисон — было унизительно.

— А ты, значит, представляться не собираешься? — Далия сощурила глаза, глядя на Перл.

Элисон успела заметить: именно Далия здесь задавала тон, была заводилой и держала остальных в лёгком подчинении.

— Перл, — буркнула та наконец. — Но я не собираюсь здесь жить.

Лидия и Меган удивлённо переглянулись, а Далия словно подобралась, будто готовясь к схватке. Элисон невольно подумала, что, будь Далия ёжиком, она бы сейчас воинственно топорщила иголки.

— Это чем же мы не удостоились чести, чтобы жить с госпожой Перл в одной комнате? — Далия сделала несколько шагов вперёд, не сводя с Перл пристального взгляда.

— Я — личная горничная графини Кейт, — Перл гордо вздёрнула нос, подчёркивая дистанцию между собой и этими простыми служанками.

На мгновение в комнате повисла тишина. А потом Лидия, Меган и Далия вдруг расхохотались. Перл переводила взгляд с одной на другую, не понимая, что в её словах могло показаться смешным.

— Ага, а я тогда сама королева, — фыркнула Далия, вы-

тирая выступившие от смеха слёзы. — Ты ври да не завирайся.

Лицо Перл залилось густым румянцем, переходящим в багровый гнев. Она обвела всех яростным взглядом и, резко развернувшись, выскочила за дверь, с грохотом хлопнув ею.

— Нет, ну вы слышали? Личная горничная графини! — Далия обернулась к подругам, всё ещё посмеиваясь.

Тем временем Элисон осторожно присела на край кровати и неловко поёрзала. Перл никогда не была ей симпатична: та вечно отпускала колкие замечания и не упускала случая её побить. И всё же наблюдать эту сцену было неприятно.

— Но она сказала правду, — робко проговорила Элисон. Девушки разом повернулись к ней. Прежде чем Далия успела снова что-то сказать, Элисон торопливо заговорила: — Мы прибыли сюда из родового поместья Триваль в Ларитане — вместе с графиней Кейт и её дочерью, мисс Беатрис. Графиня не предупреждала о своём приезде, так что вы, наверное, и не слышали. Но это правда. Перл действительно её личная горничная. А ещё с нами Джейн — она нянька юной госпожи, будет жить внизу.

Служанки слушали, и с каждым словом Элисон лицо Далии становилось всё бледнее. До неё, похоже, наконец дошло: если Перл пожалуется графине на «говорливых служанок», последствия могут быть серьёзными — вплоть до потери места.

— Но… Даже если и так, ничего страшного, — Далия по-

пыталась изобразить беспечность, но голос её слегка дрогнул. — Графиня же… она… ну…

Она так и не смогла подобрать нужных слов. Смотрела на Элисон, лихорадочно соображая, что можно говорить при ней, а о чём лучше промолчать. Лидия и Меган сочувственно глядели на подругу — словно хотели поддержать, но не знали как.

Элисон грустно улыбнулась — и в этой улыбке было столько тихой усталости, что девушки невольно притихли.

— О графине Кейт здесь не лучшего мнения, да? — тихо спросила она.

В её голосе не было ни обиды, ни вызова — просто констатация факта, сказанная без горечи. И отчего-то именно эта интонация вдруг стёрла невидимую преграду между Элисон и остальными. Девушки словно разом поняли: она им не враг.

— Мы тут полтора года служим, а уже столько всякого наслушались про графиню-затворницу, — первой заговорила Лидия, чуть склонив голову.

— Да и миссис Розмари никогда о ней доброго слова не скажет, — подхватила Меган, подняв палец, будто подчёркивая важность сказанного.

— А её слово тут — закон. — Вот я и думаю, что у этой Перл ничего не выйдет, — хмыкнула Далия, но в её браваде отчётливо слышалась тревога. Пальцы невольно теребили край передника.

— Но почему так? — искренне удивилась Элисон. — В Ларитане её все уважают. Не только в поместье — по всему краю. Аристократы с неё пример берут, говорят, что у неё и такт, и твёрдость, и чувство справедливости…

Далия отложила гребень и подалась вперёд, её глаза блеснули в полумраке комнаты.

— Ну а ты-то, Элисон? Ты ведь прямо при ней служила, из самого родового поместья приехала. Расскажи: какая она, наша графиня Кейт?

Элисон замерла, всё ещё сжимая в руках свой скромный узелок с вещами. Вопрос застал её врасплох — она привыкла исполнять поручения, а не рассуждать о господах. Медленно, будто каждое движение требовало усилий, она положила узелок на полку под кроватью и выпрямилась, собираясь с мыслями. Но ответить не успела.

— Ой, да брось, Далия! — резко перебила Меган.

Она всё это время молча штопала дыру на форменном переднике, а теперь подняла палец, призывая к тишине, и понизила голос до театрального шёпота:

— Зачем у неё спрашивать, если стены этого дома сами всё расскажут? Мы госпожу Кейт и в глаза-то ни разу не видели. Только Розмари и лицезреем. А эта экономка спит и видит, как бы тут единоличной королевой стать.

Она наклонилась чуть вперёд, словно передавая страшную тайну.

— Она при нас такое про хозяйку говорит… «Ледяная

статуя», «пустое место» — вот как она её величает. Мол, маркиз дочку замуж спихнул, чтобы глаза не мозолила, а характера ей бог не дал.

Меган оглянулась на закрытую дверь, будто проверяя, не подслушивает ли кто, и продолжила, ещё тише:

— Господин граф с супругой живут как чужие люди. Говорят, он к ней в спальню годами не заходит. Всё по делам торговым мотается: то в Соритайн корабли закладывает, то в портовых доках пропадает. У него там другие интересы завелись. Поговаривают, есть одна дама в Верхнем городе — держит салон для благородных господ. Денег из него тянет — будь здоров. Вот он и ездит туда всякий раз, как только в столицу вернётся. Будто мальчишка какой, честное слово.

Комната будто стала теснее от этих слов. Даже воздух словно потяжелел. Элисон слушала, и в груди у неё росло странное, колючее чувство: она знала историю графа и графини с другой стороны — или думала, что знает.

— Потому наша милая миссис Розмари хвост и распушила, — закончила мысль Далия, закидывая ноги прямо в пыльных башмаках на соседнюю койку. — Думала, раз хозяин жену в глаза не видел годами, значит, экономка тут главная царица полей. Забыла бедняжка, что голубая кровь — она такая. Супруги могут спать хоть в разных королевствах, а право своё помнят крепко.

Девушки лениво перекидывались словами, будто смаковали каждую сплетню, а Элисон всё это время молчала. Она

методично расправляла складки на своём платье — так старательно, будто от того, насколько ровной ляжет ткань, зависела её судьба. На самом деле это был способ спрятать дрожь в пальцах и не выдать, как сильно внутри всё сжимается от липкого, неприятного предчувствия. Они ждали от неё хоть какого-то отклика — какого-нибудь штриха к портрету графини, какой-нибудь провинциальной истории из Ларитана, которая подтвердила бы их домыслы или, наоборот, развеяла их. Но Элисон понимала: любые её слова сейчас прозвучат жалко и неуместно. Эти девушки никогда не видели графиню Кейт, не стояли у её дверей, не слышали, как она тихо, но твёрдо отдаёт распоряжения, от которых замирают даже самые дерзкие. Они питались кухонными пересудами и горькой завистью миссис Розмари — а это совсем не то же самое, что знать госпожу.

Чем дольше Элисон слушала, тем яснее становилось: этот дом гнил изнутри задолго до их приезда. Здесь пахло не просто высокомерием — тут годами копилась ядовитая смесь из обид, амбиций и страха.

— Ты чего молчишь-то? — вдруг спросила Лидия, чуть наклонив голову и глядя на Элисон с искренним любопытством. — Не веришь нам, что ли? Или просто не хочешь про свою госпожу говорить?

Элисон подняла глаза, и в комнате будто стало тише — даже скрип старой кровати, на которой развалилась Далия, стих. Она хотела сказать хоть что-то простое, нейтральное,

чтобы не выдать ни своей тревоги, ни той преданности, что жила в ней к графине. Но слова будто застряли в горле.

— Я… — начала она, и голос чуть дрогнул, отчего Элисон тут же мысленно выругала себя. — Я просто думаю, что люди всегда видят то, что хотят видеть. А этот дом… он привык жить слухами.

Далия хмыкнула, но уже без прежней колкости — скорее с усталым пониманием.

— Это уж точно. Тут слово брось — к утру оно уже три этажа облетело и обратно вернулось, да ещё и с рогами.

Меган отложила штопку и посмотрела на Элисон уже не как на очередную новенькую, а будто пытаясь разглядеть в ней что-то настоящее.

— А ты не такая, как эта твоя Перл, — сказала она просто. — Та будто всем доказать хотела, что она выше нас. А ты…

Элисон слабо улыбнулась — на этот раз не грустно, а скорее с облегчением.

— Да, — тихо призналась она. — Просто хочу спокойно делать своё дело.

Лидия потянулась, зевнула и махнула рукой, будто разгоняя тяжёлый воздух.

— Ну, тут без этого никак. Но, может, тебе и правда повезёт. Держись поближе к нам — мы хоть и сплетничаем, но предавать не любим. А если Розмари опять начнёт хвост поднимать — мы тебя предупредим.

И в этих простых словах было больше тепла, чем во всех

учтивых фразах, которым Элисон учили в поместье. Она кивнула, чувствуя, как понемногу отпускает то напряжение, что сковывало её с самого порога. Может, этот дом и был полон яда, но, похоже, в нём всё же нашлось место и для чего-то человеческого.

***

Перл вернулась, когда в комнате уже стояла густая, привычная для ночи тишина, нарушаемая лишь ровным дыханием спящих девушек. Она вошла бесшумно, почти крадучись, будто боялась разбудить кого-то — или, напротив, хотела остаться незамеченной. Молча положила свои вещи на полку и быстро нырнула под одеяло, натянув его до самого подбородка.

Элисон, которая всё ещё не спала, лежала с закрытыми глазами, но чутко ловила каждый звук. Она украдкой наблюдала за Перл сквозь чуть опущенные ресницы: по напряжённой линии плеч, по тому, как та замерла, будто стараясь слиться с кроватью.

«Отчего же она вернулась? — крутилось в голове у Элисон. — Неужели графиня не прислушалась к своей горничной? Или миссис Розмари всё-таки взяла верх? А может, Перл попросту выпроводили?»

Столько вопросов теснилось в груди, но ни один из них Элисон не решилась произнести вслух. Да и что бы она сказала? «Тебе было тяжело?» — Перл бы только фыркнула и отвернулась. «Графиня тебя не поддержала?» — это прозву-

чало бы как упрёк, а не как сочувствие.

Решив, что обо всём этом она узнает завтра — а может, и вовсе не узнает, потому что Перл не из тех, кто делится обидами, — Элисон глубоко вздохнула, прогоняя лишние мысли. Она расслабила пальцы, до этого невольно сжатые в кулачки, и медленно закрыла глаза. Сон подкрался тихо, будто боялся спугнуть её хрупкое спокойствие.

Глава 4

Несколько дней текли на удивление ровно, будто дом наконец выдохнул после первых бурных столкновений. Элисон выполняла обычные поручения — помогала с уборкой, носила корзины с бельём, стояла в очереди на кухне за порциями для господских комнат. Дела были простыми, привычными, и в этой рутине таилось странное утешение.

Противостояние графини Кейт и экономки миссис Розмари словно застыло в хрупком равновесии. Никто не наносил открытого удара, но напряжение висело в воздухе, густое, как предгрозовой туман. Простые служанки, затаив дыхание, наблюдали за каждым движением наверху и шептались между собой: кто сорвётся первым? Кто сделает тот самый шаг, после которого уже не будет возврата?

А вот Перл и Джейн не знали ни минуты покоя. Неизвестно, чем они заслужили такую ненависть — своим характером, высокомерием или просто тем, что были приближёнными графини. Но местные служанки действовали тонко, без крика, зато методично, превращая каждый их шаг в доказательство никчёмности.

В шкафу у няньки Джейн «случайно» оказывались чужие грубые чулки или засаленные кухонные полотенца. У Перл то и дело пропадали её лучшие кружевные платки, а вместо них на полках появлялись ветхие тряпки младших пра-

чек. Из шкатулок для рукоделия исчезали дорогие серебряные иголки, катушки шёлковых ниток и перламутровые пуговицы. И, разумеется, через день всё это находили: небрежно брошенным на дно сундука Перл или зашитым в подкладку старого передника Джейн — так, чтобы не заметить было невозможно.

На кухне тоже шла своя тихая война. В вечерний чай Джейн подливали пару капель уксуса — от такого глотка сводило скулы. В овсяную кашу для Беатрис сыпали лишнюю ложку горькой соли. Когда доведённая до слёз нянька пыталась пожаловаться старшей кухарке, та лишь равнодушно пожимала плечами: — Ты сама перепутала банки, милая. Тут же слепому видно, что это соль. Зачем ты испортила завтрак юной госпожи?

Ночи стали настоящим испытанием. Стоило Джейн или Перл задремать после тяжёлого дня, как в коридоре вдруг начиналась бурная деятельность: девушки нарочно громко хохотали, хлопали дверьми кладовых, роняли пустые вёдра прямо под их порогом. К утру измученные жертвы валились с ног от усталости. Днём это давало о себе знать: Перл могла пришить манжет вкривь и вкось, а Джейн, не замечая, пропускала сквозняки при проветривании. И каждая такая оплошность тут же летела на стол миссис Розмари — как очередное доказательство, что эти «деревенские простушки» ни на что не годны.

Странным образом все эти мелкие пакости обходили Эли-

сон стороной. Более того, Далия, Меган и Лидия взяли над ней негласное шефство. Они не говорили громких слов, но всем своим видом давали понять: её трогать не надо, она теперь одна из них. Если кто-то пытался косо посмотреть или отпустить колкость, Далия тут же поднимала бровь, Лидия делала шаг вперёд, а Меган тихо, но твёрдо добавляла: «Она с нами». И этого хватало.

Впервые за все свои годы Элисон почувствовала себя не тенью, не «той самой дочкой», не обузой, а просто частью чего-то живого, настоящего. Здесь её не оценивали по тому, чья она дочь, и не ждали от неё невозможного. Ей доверяли простые дела, и этого было достаточно, чтобы дышать свободнее.

Но это хрупкое спокойствие не могло длиться вечно. На третий день их пребывания в столице Элисон вызвали к графине Кейт.

Когда молоденькая помощница экономки заглянула в общую комнату и назвала её имя, в груди у Элисон что-то дрогнуло. Лидия ободряюще сжала её плечо, Меган кивнула, а Далия тихо шепнула:

— Не бойся. Ты ничего плохого не сделала. Элисон кивнула, стараясь унять дрожь в пальцах, и вышла из комнаты. Коридоры, которые днём казались просто длинными и холодными, теперь будто сузились, а тени стали гуще. Каждый её шаг отдавался глухим эхом.

— Думаю, ты слышала, что в последнее время с Перл и

Джейн происходят странные, неприятные ситуации, — начала графиня, делая глоток чая из искусно выполненной чашки. Её пальцы легко, почти небрежно касались тонкого фарфора, но в осанке чувствовалась напряжённая собранность.

— Я предположила, что это может быть из-за того, что они из Ларитана и не вписались в местное общество. Но почему тогда тебя всё это обошло стороной?

Элисон подняла осторожный взгляд. За спиной графини стояла Перл — и сверлила её злым, почти ненавистным взглядом, в котором сквозила обида, смешанная с яростью. В голове у Элисон тут же пронеслось: «Неужели уже наплела ей что-то? Наверняка сгустила краски так, что виноватой осталась я».

— Не нужно так смотреть, — спокойно произнесла графиня, будто читая её мысли. Она поставила чашку на стол с едва слышным стуком. — Элисон, чем ты смогла переманить этих людей на свою сторону? Или, может, ты сама стала подручной Розмари?

От этих слов по спине Элисон пробежал ледяной холодок. Она вскинула глаза на графиню — и в этот миг в них не было ни хитрости, ни страха, только искреннее непонимание.

— Я не понимаю, о чём вы, госпожа, — тихо, но твёрдо сказала она.

— Она врёт! — визгливо выкрикнула Перл за спиной графини, и звук её голоса резанул по ушам, как острый осколок стекла. — Я сама слышала, как те ужасные девицы говорили

остальным, что её не надо трогать!

Тонкий, чуть дрожащий от злости палец Перл указал на Элисон. Девушка и правда не понимала, в чём её вина. Ей казалось, что она просто старалась не становиться ни для кого врагом — и этого оказалось достаточно, чтобы другие увидели в ней не угрозу, а человека.

— Прошу прощения, но я всё равно не понимаю… — повторила Элисон, стараясь говорить ровно, чтобы голос не выдал, как сильно дрожат внутри все её нервы.

— Врёшь! — упрямо, почти отчаянно повторила Перл. — Я знаю, что это по твоей указке они портят мои вещи! И эти грязные полотенца…

— Перл, — оборвала её графиня одним словом.

Голос Кейт прозвучал негромко, но так, что даже воздух в комнате будто стал плотнее. Она обернулась к своей горничной, и в её взгляде было столько ледяной строгости, что Перл невольно отступила на полшага назад.

— Как ты это объяснишь, Элисон?

Элисон сглотнула, но не опустила глаз. Она смотрела прямо на графиню, и в этом взгляде была вся её правда — простая, без прикрас.

— Госпожа, я не имею к этому никакого отношения, — твёрдо произнесла она. — То, что те девушки заступились за меня, могу объяснить лишь тем, что так они проявляют свою заботу о младшей. Мы живём с ними в одной комнате, и, в отличие от Перл, я с ними не ругаюсь. Я просто стараюсь

делать своё дело и не искать врагов там, где их можно не заводить.

— Хочешь сказать, это я виновата?! — снова взвизгнула Перл, но тут же осеклась под тяжёлым взглядом графини.

Кейт снова повернулась к Элисон и некоторое время просто молча смотрела на неё, словно пытаясь прочесть на её лице правду. Не верить ей у графини причин не было — девочка никогда не умела лгать убедительно, её страх всегда был слишком настоящим. Но проблема была как раз в том, что это была Элисон. Даже если она и правда не имела к этому никакого отношения, её имя само по себе не могло уберечь её от наказания, чаще всего — совершенно не заслуженного.

— Что ж, — наконец вымолвила графиня, и Элисон невольно сжалась, приготовившись к удару или потоку брани, — я верю тебе, Элисон.

Девушке показалось, что она ослышалась. Подняв глаза на госпожу, она не смогла скрыть своего изумления и, чего уж скрывать, мгновенного облегчения.

— Но, госпожа! — тут же подала голос Перл, явно не желая отпускать добычу.

— Но! — резко перебила её графиня, и горничная осеклась на полуслове. — Если уж те девушки так с тобой сдружились, позаботься о том, чтобы они прекратили свои издёвки. Если всё так и продолжится, они окажутся за дверями этого особняка в тот же час, и без единого рекомендательного письма. Теперь за их поведение будешь отвечать ты лично.

Любая каверза с их стороны — и ты заплатишь за неё сама.

Элисон опустила глаза, чувствуя, как внутри всё обрывается. Она ведь действительно, на одно короткое мгновение поверила, что в этот раз её минует чаша сия, но всё было как и всегда. Она прекрасно понимала, что служанки не станут к ней прислушиваться и продолжат так же изводить Перл и Джейн, но вот теперь платить за всё это будет именно она. Обидно было до слёз. Почему она? Если разобраться, то за порядок в доме должны были отвечать главная служанка, она же экономка, миссис Розмари, и дворецкий Джоэль. Но Кейт не могла упустить такого шанса, чтобы снова ткнуть падчерицу носом в её бесправие.

— Я поняла вас, госпожа, — покорно ответила девушка, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Хорошо, — кивнула графиня и снова взяла остывшую чашку в руки, давая понять, что аудиенция окончена. — Тогда позови ко мне Розмари. У меня уже накопился довольно большой список вопросов к ней.

Элисон молча поклонилась и под злой, испепеляющий взгляд Перл направилась на поиски экономки.

На её привычном рабочем месте женщины не оказалось, и тогда девушка решила поспрашивать у других слуг, не видел ли кто миссис Розмари.

— Кажется, я видел, как она встречала гостью, — задумчиво ответил один из лакеев, протиравших канделябры в холле.

— Какую гостью? — раздался за спиной Элисон спокойный, но властный голос дворецкого.

Встречать гостей, даже незваных, входило в его прямые обязанности. Элисон тут же посторонилась, уступая ему место.

— Я видел лишь мельком, в окно эркера, — виновато склонил голову лакей. — Но кажется, прибыла мадам Агата.

— Мадам… — выдохнул Джоэль, и его обычно непроницаемое лицо на мгновение исказилось. Он неожиданно и очень тихо, но с нескрываемым раздражением выругался себе под нос. — Куда они пошли?

— В жёлтую гостиную, вроде, — немного испуганно ответил парень, не привыкший к таким эмоциям от всегда сдержанного дворецкого.

Джоэль едва ли не бегом поспешил в нужном направлении, придерживая рукой полу форменного сюртука. Элисон даже стало интересно, что это за мадам такая и отчего так внезапно занервничал всегда непоколебимый дворецкий. Но раз уж миссис Розмари находится там, то ей не остаётся ничего другого, как последовать за ним. Она ускорила шаг, стараясь ступать как можно тише, чтобы не выдать своего присутствия, пока будет искать экономку в хозяйской гостиной.

Экономка стояла рядом с женщиной, чья внешность невольно притягивала взгляд. В её осанке не было ни капли вульгарной броскости — лишь та врождённая стать, которую особенно ценят в лучших домах: прямая спина, чуть приподд-

нятый подбородок, плавные, отточенные движения — словно ожившая статуя, созданная искусным мастером.

Лицо дамы отличалось не просто миловидностью, а особой выразительностью: в больших тёмных глазах светились ум и едва уловимая насмешка, тонкий нос и линия губ казались будто очерченными уверенной кистью художника. Тёмно-синий бархатный наряд подчёркивал бледность кожи, а жемчуг на шее не кричал о роскоши — лишь деликатно намекал на неё.

— Мадам Агата, рад, бесконечно рад вас видеть, — с достоинством поклонился Джоэль.

— Ах, милый Джоэль, ты, как всегда, щедр на лесть, — улыбнулась женщина.

Дворецкий снова улыбнулся и, бросив короткий взгляд на экономку, учтиво поинтересовался:

— Могу я спросить, что привело вас сюда?

Миссис Розмари держала спину ровно, и со стороны казалось, что она ведёт себя как обычно. Но в её взгляде мелькнуло что-то такое, отчего Элисон невольно захотелось спрятаться — будто в нём таилось скрытое предвкушение.

Мадам Агата неторопливо расправила складки на юбке и спокойно ответила:

— Хотела встретиться с Кристофом.

— Как жаль, но граф ещё не вернулся из деловой поездки. Я непременно сообщу ему, что вы приходили, — произнёс Джоэль с едва заметным намёком.

— Да, Розмари уже сказала мне, — спокойно отозвалась Агата, словно не замечая его полутона.

— Что ж, раз так, то… — начал было дворецкий, но договорить не успел.

— Элисон, тебя только за смертью посылать! — неожиданно раздался в дверях гостиной недовольный голос графини.

Элисон виновато опустила голову. Графиня шагнула в комнату и устремила пристальный взгляд на незнакомку.

— О, а кто это? Розмари, ты не говорила, что у вас гости, — невозмутимо произнесла Агата и, будто не замечая напряжённости, добавила: — Ну что же, может быть, мы вместе подождём Кристофа за чашечкой чая? Он точно говорил мне, что прибудет уже сегодня.

Бровь Кейт взметнулась вверх. Неизвестная женщина пришла в её дом, называет супруга по имени и распоряжается, словно она здесь хозяйка, — всё это выглядело донельзя дерзко. Джоэль едва заметно прикрыл глаза и тихо выдохнул, словно пытаясь удержать внутри вспышку раздражения.

— Джоэль? — вопросительно обратилась графиня к дворецкому, в голосе её звенела сталь.

— Это мадам Агата Смит, ведущая актриса театра «Гарет Лейл», который спонсирует граф Триваль, — покорно ответил дворецкий, сохраняя безупречную выправку. — Мадам Агата, перед вами её светлость графиня Кейт Триваль, супруга графа Кристофа Триваля.

— Графиня Триваль, какая честь познакомиться с вами лично, — произнесла актриса. Голос её был глубоким, обволакивающим — таким, что легко заполнял даже самые просторные театральные залы. — Кристоф много рассказывал мне о вашем безупречном вкусе.

Кейт стояла очень прямо, сложив руки на груди. Её лицо превратилось в прекрасную, неподвижную маску, за которой, казалось, не могло пробиться ни одно чувство.

— Мадам… Агата. Боюсь, мой муж слишком щедр на комплименты там, где они неуместны, — сдержанно произнесла она. — Не припомню, чтобы он упоминал о том, что у него есть столь… известные знакомые и что они обращаются к нему столь просто.

— О, двор так скучен со своими правилами, — Агата позволила себе мягкую улыбку и плавным движением опустилась в кресло, даже не дожидаясь приглашения. — Ваш супруг предпочитает называть меня по имени. Впрочем, он всегда ценил простоту во всём, что касается души. Говорят, это вы привили ему любовь к церемониям?

Элисон замерла, стискивая в пальцах льняную ткань. Фраза «называть по имени» повисла в воздухе, словно ядовитая капля. Кровь бросилась в лицо Кейт: сначала её фарфоровая кожа стала почти болезненно белой, а затем вспыхнула пунцовым румянцем.

Но голос графини остался ровным, будто высеченным из мрамора:

— Я долгое время пробыла в родовом поместье Тривалей, ухаживая за детьми, в то время как мой супруг был вынужден жить здесь, занимаясь делами. Боюсь, мы слишком мало времени провели вместе, чтобы я могла чему-то его научить. Его душа, как вы выразились, видимо, находит утешение в другом обществе.

— Утешение? — Актриса изящно поправила жемчужный браслет на запястье, в её жесте сквозила почти небрежная уверенность. — Скорее, глоток свежего воздуха, Кейт. Вы же знаете, как Кристоф ненавидит душные гостиные. Ему нужен огонь — то, чем дышишь полной грудью, пока остальные считают петли на кружевных платках. Он говорил, что только рядом со мной вспоминает, что значит быть живым, а не просто наследником титула.

Элисон подняла голову и удивлённо посмотрела на графиню. В комнате будто стало тише, и каждый звук — даже шорох платья — звучал слишком громко. Кейт медленно повернула голову к экономке.

— Миссис Розмари, — ледяным тоном произнесла графиня, не повышая голоса, но от этого её слова прозвучали ещё страшнее. — Ваше рвение познакомить меня с культурными достопримечательностями столицы поистине трогательно. Однако сейчас вы нужны мне в кабинете. Нам предстоит долгий разговор о том, кто именно распоряжается моим домом… и моими нервами. Захватите с собой гроссбух. Я хочу знать, сколько денег из моей вдовьей части ушло на оплату

этого… визита.

Миссис Розмари смертельно побледнела. Театральное удовольствие, ещё недавно игравшее на её лице, сменилось животным ужасом перед грядущей проверкой счетов. Она беззвучно ретировалась, едва слышно прикрыв за собой дверь.

Когда звук шагов экономки окончательно затих, Кейт снова перевела взгляд на гостью. В её глазах не было ни растерянности, ни страха — лишь холодная, выжженная усталость.

— Что вам нужно, Агата? Кроме того, чтобы насладиться унижением женщины в её собственном доме? — голос Кейт звучал ровно, но в этой ровности звенела тонкая, опасная нота.

Актриса перестала улыбаться. Её поза мгновенно утратила небрежную грацию, а взгляд стал цепким, оценивающим — будто она пыталась разглядеть в лице графини хоть малейшую трещину.

— Мне нужна правда, которую Кристоф никогда не осмелится сказать, — произнесла Агата, и в её тоне больше не было театральной мягкости. — Я пришла посмотреть на ту, ради которой он разрушил свою жизнь, женившись. Вы ведь понимаете, что этот брак давно мёртв? Закройте эту золотую клетку, Кейт. Отпустите его. И себя заодно. Общество простит развод быстрее, чем простит публичный скандал, который я могу устроить завтра же, просто появившись с ним в

Королевской ложе.

Элисон, по-прежнему стоявшая у дверей, почувствовала, как холод сковывает пальцы, будто кто-то провёл по коже ледяной иглой. Это была не просто дерзость — это был тщательно выверенный удар. И Элисон вдруг с ледяной ясностью поняла: всё это было спланировано миссис Розмари. Привести в дом столичную актрису, о которой шепчется весь город, именно сегодня, когда нервы Кейт натянуты до предела… Не зря в глазах экономки мелькнул торжествующий блеск, едва Кейт вошла в гостиную, — она знала, как сработает эта ловушка. Если графиня сорвётся на крик — это будет истерика ревнивой жены. Если проглотит обиду — признание собственного бессилия. В любом случае хозяйка проигрывала.

Элисон не сводила глаз с Кейт, ожидая вспышки гнева, слёз или резкого приказа вышвырнуть наглую гостью вон. Но графиня лишь горько усмехнулась, и в этой усмешке было куда больше усталости, чем злости.

— Вы переоцениваете своё влияние, дорогая. А заодно и влияние моего мужа, — спокойно, почти буднично произнесла Кейт. — Единственная вещь, которая связывает Кристофа крепче любых уз, — это его банковский счёт и страх перед моим родом. Уходите. Пока я ещё готова сделать вид, что этот визит был досадной ошибкой шута, перепутавшего адрес.

Мадам Агата несколько секунд изучала лицо Кейт, будто

пыталась прочесть в нём то, что осталось невысказанным. Затем она плавно поднялась, и тёмно-синий бархат её платья тихо шелестел, подчёркивая каждое движение.

— Жаль. Я думала, мы поймём друг друга, — тихо сказала она.

Она направилась к выходу, и этот шелест ткани казался сейчас почти оскорбительно громким в напряжённой тишине. У самых дверей Агата обернулась — не с вызовом, а скорее с оттенком странной, горькой иронии.

— Передайте кухарке, чтобы лучше следила за печеньем. Сегодняшнее было пересолено. Видимо, кухня тоже тоскует по хозяину.

Дверь мягко закрылась. В жёлтой гостиной повисла тяжёлая, звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем напольных часов — будто само время решило подчеркнуть эту паузу. Элисон осторожно, почти боязливо взглянула на Кейт.

Графиня смотрела в одну точку прямо перед собой, и костяшки её пальцев, сжимавших подлокотник кресла, побелели от напряжения — единственный признак того, что эта сцена не оставила её равнодушной.

Глава 5

Сегодня должна была состояться выпускная церемония Айзека. По приказу графини слуги с раннего утра суетились, готовя дом к торжественному вечеру. В коридорах то и дело слышался приглушённый шёпот, в котором смешивались волнение и любопытство: каким же вырос юный господин? Многие из слуг видели его лишь восемь лет назад — в тот день, когда он уезжал поступать в академию. С тех пор он ни разу не приезжал домой — ни в родовое поместье, ни в столичный особняк.

Слуги тихонько переговаривались, строя догадки: наверное, всё дело в усердной учёбе, в бесконечных занятиях и экзаменах. Но Элисон не разделяла их предположений. Она слишком хорошо помнила Айзека: уроки для него всегда были настоящей мукой, он терпеть не мог сидеть над книгами и вечно искал способ увильнуть от занятий. Куда вероятнее, думала она, что причина крылась в холодном, почти презрительном отношении графа к сыну. Стоило лишь вспомнить, какими словами отец отзывался об Айзеке, и становилось ясно: юноша просто не хотел лишний раз попадаться ему на глаза.

Сегодня всё должно было измениться. Айзек наконец приедет, а затем вместе с родителями и сестрой вернётся в родовое поместье — там графиня устраивала в его честь

пышный бал. В доме царило предвкушение, но для Элисон этот день не сулил ничего хорошего. В её памяти о брате не сохранилось ни одного светлого воспоминания — лишь боль и унижение. Ей было по-настоящему страшно. Жизнь в этом доме и без того была непростой, а с возвращением Айзека всё могло стать в разы хуже. Малышка Беатрис и представить не могла, насколько изощрёнными могли быть его издевательства. Элисон казалось, что сегодняшнее утро стало последним по-настоящему спокойным утром в её жизни.

Накануне, следуя приказу графини, она пыталась поговорить с девушками из общей комнаты — убедить их оставить в покое Перл и Джейн, прекратить эти мелкие, но жестокие шалости. Но, как она и подозревала, ничего не вышло. Лидия честно призналась: даже если кто-то из них и прислушается к Элисон из сочувствия, остальные не станут. У них был другой приказ — негласный, но от этого не менее обязательный. Приказ миссис Розмари. А её девушки боялись куда больше, чем графиню. К тому же, как прямо сказала Лидия, если что-то пойдёт не так, отвечать придётся именно Элисон. Значит, остальным нечего терять.

Примерно за два часа до того, как графиня и Беатрис должны были отправиться в академию, Элисон позвали в покои Кейт. Она не видела мачеху со вчерашнего дня: после той неприятной встречи с мадам Агатой графиня заперлась у себя и с тех пор не показывалась. Это молчание, невольно, играло на руку миссис Розмари — ведь именно ей Кейт при-

казала явиться в кабинет. Пока графиня оставалась взаперти, в глазах слуг она выглядела проигравшей, а экономка — победительницей.

Слухи о столкновении мадам Агаты и графини Кейт расползались по особняку стремительно, словно лесной пожар, и с каждым часом обрастали всё новыми, всё более нелепыми подробностями. Элисон слышала, что теперь рассказывают чуть ли не о настоящей драке между дамами — чего, конечно, не было. Она сама была свидетельницей всей сцены и знала правду, но не спешила её раскрывать, сколько бы её ни расспрашивали.

В глубине души Элисон была уверена: Кейт сильнее, чем кажется. Да, сейчас она скрылась в своих покоях, но это не слабость — это пауза перед ударом. Элисон знала это не из слепой преданности, а из горького, выстраданного опыта: когда графиня выйдет, тем, кто успел посмеяться над «неудачницей женой», придётся горько пожалеть о своих словах.

Войдя в комнату графини, Элисон присела в реверансе, стараясь унять дрожь в коленях.

— Подойди, — коротко обронила Кейт, и в этом единственном слове прозвучала вся тяжесть её настроения.

Графиня уже была в выходном платье, но ещё не завершила туалет: на руках не было перчаток, а в причёске не хватало украшений. Перл как раз закончила колдовать над её волосами и теперь замерла в стороне, послушная и тихая, словно испуганная овечка, в ожидании новых распоряжений.

Элисон, как и было приказано, подошла ближе к Кейт. В воздухе висело напряжение, плотное и колючее, будто само пространство сжалось вокруг неё.

— Сегодня утром кто-то снова добавил в чай, который приготовила Джейн, уксус, — ледяным голосом произнесла графиня, и каждое слово падало, как камень в воду, поднимая круги ледяной ряби. — Это повторяется уже не в первый раз. И этот чай едва не попал в чашку Беатрис.

Элисон с силой вцепилась пальцами в собственную юбку, пытаясь удержать внутри рвущуюся наружу дрожь. Она знала, что за этими словами последует неизбежное.

— Я тебя предупреждала? — спросила Кейт, не повышая голоса, но в этой тишине её слова звучали громче крика.

Элисон кивнула, но тут же, вспомнив, что графиня не терпит молчаливых ответов, поспешила озвучить согласие.

— Да, госпожа, — тихо, почти шёпотом, сказала она.

— Я не слышу, — голос Кейт стал ещё холоднее, будто в нём проступила тонкая корка льда.

— Да, госпожа! — куда громче повторила девушка, и собственный голос показался ей чужим, слишком звонким в этой звенящей тишине.

— Значит, ты всё помнишь. Хорошо, — спокойно констатировала Кейт. — Развернись и подними юбку.

Элисон на мгновение замешкалась, будто надеялась, что это какая-то ошибка, что сейчас графиня рассмеётся и скажет, что пошутила. Но лицо Кейт оставалось неподвижным,

словно высеченным из мрамора. И тогда Элисон медленно повернулась. Едва сдерживая дрожь, она приподняла подол форменного платья до колен, чувствуя, как холодный воздух касается обожжённой ожиданием кожи.

— Перл, — обратилась графиня к горничной.

Та послушно подошла, прихватив от камина вещь, которую Элисон знала слишком хорошо — и от этого знания внутри всё сжималось в тугой, болезненный узел.

— Считай, Элисон, — приказала Кейт. Перл нанесла первый удар.

— Один, — выдохнула Элисон, когда по ногам прокатилась острая, жгучая волна боли. — Два. Три…

Перл не сдерживалась, вкладывая в каждый удар всю силу своих рук. И в её движениях, в том, как она чуть наклоняла голову, будто прислушиваясь к звуку удара, сквозило едва уловимое, но отчётливое удовольствие.

Кейт наблюдала за всем этим молча, с тем отстранённым, почти безразличным спокойствием, с каким смотрят на что-то неприятное, но неизбежное — на сломанную деталь механизма, которую пока нельзя заменить. Её взгляд скользил по сцене, не задерживаясь ни на чём, и от этого становилось ещё страшнее.

— …Де-десять… — выдохнула Элисон, чувствуя, как по лбу стекают холодные капли пота, а ноги подрагивают, едва удерживая её вес.

— Достаточно, — наконец обронила Кейт, словно отреза-

ла невидимую нить.

Перл с явным огорчением отступила, будто ей не дали доиграть любимую мелодию до конца. Элисон трясущимися руками опустила юбку и, слегка прихрамывая, обернулась лицом к графине. В глазах темнело, но она усилием воли удерживала взгляд на лице Кейт, боясь даже моргнуть.

— Если подобная история повторится, повторится и твоё наказание, — произнесла графиня, вглядываясь в бледное, напряжённое лицо девушки. — Но количество ударов возрастёт. Это понятно?

— Да, госпожа, — послушно ответила Элисон, и голос её прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Значит, с этим закончили, — кивнула своим мыслям Кейт, будто закрывая в уме какую-то неприятную главу. — Сегодня утром Беатрис жаловалась на головную боль. Ей дали лекарство, но я всё равно волнуюсь. Поэтому ты поедешь в академию вместе с нами. Будешь приглядывать за Беатрис, и, если её состояние ухудшится, вмешаешься. Отправляемся через два часа. Приведи себя в порядок и надень одно из новых платьев. Ты не должна будешь нас опозорить. Свободна.

Элисон поклонилась и на трясущихся ногах покинула комнату. В коридоре она невольно придержалась за стену — опора была нужна не для вида, а чтобы не упасть. Боль не приходила отдельными вспышками — она стояла сплошной, густой волной, будто ноги окунули в кипяток и оставили там.

Икры пульсировали, каждый толчок отдавался тошнотворным эхом под коленями. Кожа стянулась, стала чужой, горячей, и Элисон знала: под чулком уже вздулись багровые полосы, припухшие и злые, готовые вспыхнуть от малейшего прикосновения.

Чулки превратились в пытку. Грубая ткань липла к местам ударов, и при каждом шаге трение отзывалось тупой, настойчивой болью. Элисон шла мелкими, осторожными шагами, стараясь не сгибать колени слишком сильно: натяжение кожи тут же откликалось резью, будто по ранам проводили наждачной бумагой. Впереди маячил подъём на четвёртый этаж — целая вечность из ступенек, и она не представляла, как одолеет этот путь.

Замерев возле лестницы, она смотрела на череду ступеней, и первые слёзы тихо скатились по щекам, падая на полированный пол.

— Элисон! Как хорошо, что я тебя встретил. Мне уже сказали, что ты тоже поедешь… Элисон? — за спиной раздался голос Джоэля.

Девушка одной рукой быстро стёрла слёзы и попыталась выпрямиться, будто это могло скрыть её состояние. Дворецкий обошёл её и осторожно заглянул в лицо, тут же нахмурившись.

— Что с тобой? — спросил он, голос его звучал не строго, а встревоженно.

Элисон промолчала, глядя куда-то ему в плечо, лишь бы

не встречаться взглядом. Он окинул её медленным взглядом — от растрёпанных прядей до дрожащих рук, цепляющихся за стену.

— Тебе плохо? — снова спросил Джоэль, настойчиво, не давая ей спрятаться за вежливым «всё в порядке».

— Всё… всё хорошо, господин Джоэль, — попыталась ответить Элисон, но голос предательски дрогнул.

— А вот мне так не кажется, — хмыкнул мужчина и прищурился. — Ты ведь вышла из… — он бросил взгляд за спину Элисон, туда, где ещё виднелся проём дверей покоев графини.

Девушка тут же обернулась. Из дверей вышла Перл, и лицо её светилось какой-то неприятной, хищной радостью. Широкая усмешка не сходила с губ, а при виде Элисон она стала ещё ярче, будто Перл только что одержала маленькую победу. В руках у неё были какие-то тряпки, а из них торчал кончик розги. Элисон невольно вздрогнула, и это движение выдало её лучше любых слов. Перл, даже не скрывая удовольствия, пошла дальше по коридору.

— Ясно, — тихо выдохнул Джоэль, и в этом слове не было ни осуждения, ни лишних вопросов — только понимание того, что произошло.

Не дожидаясь ответа, он неожиданно подхватил Элисон на руки.

— Что вы делаете?! — воскликнула девушка, но тут же резко зашипела, когда даже это короткое движение отозва-

лось болью в икрах.

Рука мужчины невольно коснулась её ран — и тут же он отдёрнул её, будто обжёгся. Элисон охнула от боли.

— Прошу прощения, — хмыкнул дворецкий, в голосе его прозвучала сдержанная досада на самого себя. — Но через два часа тебе предстоит сопровождать графиню в академию. В таком состоянии это может окончиться плохо.

К удивлению самой Элисон, у неё даже не осталось сил сопротивляться или возразить. Ноги пульсировали и горели огнём, будто по коже водили раскалённым железом. Вцепившись пальцами в жёсткую ткань жилета Джоэля, она уронила голову ему на плечо и продолжала молча ронять солёные слёзы — теперь уже не от страха, а от бессилия и боли.

Когда они оказались в комнате, Далия, развалившаяся было на кровати, при виде Элисон на руках самого дворецкого едва не свалилась на пол. Она замерла, разинув рот, и смотрела на них так, будто перед ней разверзлась сама земля.

— Где её кровать? — без приветствий и лишних слов резко спросил Джоэль.

Далия молча ткнула пальцем в угол комнаты. Дворецкий осторожно опустил Элисон на постель, словно она была из тончайшего фарфора, который вот-вот рассыплется. Затем он снова обернулся к всё ещё шокированной Далии, и взгляд его стал твёрдым, почти стальным.

— Через два часа она должна стоять у кареты во дворе. Отвечаешь за это головой. Я пришлю кого-нибудь с лекар-

ствами, а ты пока помоги ей раздеться, — отчеканил он каждое слово, будто вбивал гвозди, и решительным шагом покинул комнату.

Дверь за ним закрылась с тихим, но отчётливым щелчком.

— Что это было? — выдохнула Далия, провожая его взглядом, но тут же спохватилась и метнулась к Элисон. — Что с тобой?

Девушка ничего не ответила. Сейчас ей меньше всего хотелось отвечать на вопросы или вести разговоры. Ей хотелось просто забиться в какой-нибудь тёмный угол и плакать, пока боль не станет тише. Но даже этого она не могла себе позволить. Прикрыв глаза ладонью, она продолжала молча плакать, стискивая зубы, чтобы не стонать в голос.

Спустя недолгое время в комнату ворвалась Лидия, чуть не сбив с петель дверь.

— Девочки, кто поранился? Джоэль прислал меня с этим! — выпалила она, протягивая руки: в одной была небольшая жестяная баночка, в другой — пузырёк из непрозрачного синего стекла.

Элисон тяжело вздохнула. Времени, которое ей дали, было слишком мало. Если она прямо сейчас не возьмёт себя в руки и не соберётся, то опоздает, и тогда наказание может оказаться куда страшнее прежнего. Собравшись с силами, она осторожно села, превозмогая желание просто рухнуть обратно на подушки. Подняв подол платья, она начала осторожно, стараясь не закричать, снимать чулки. Пальцы

дрожали, движения выходили неловкими, но она упорно тянула ткань вниз.

Соседки по комнате замерли, будто кто-то остановил для них время. Икры Элисон были густо исчерчены тёмно-розовыми полосами, местами переходящими в багровые вздутия. Кожа казалась натянутой, горячей на вид, будто её обожгло изнутри. При малейшем движении по этим рубцам пробегала резкая дрожь, и даже воздух, касаясь ран, казался колючим.

— Это… это как? — прошептала Лидия, не сводя взгляда с багровых рубцов. Голос её дрожал, в нём слышался ужас.

Далия метнулась к двери и тихо щёлкнула задвижкой, отрезая их от остального дома. В этом жесте не было театральности — только холодная, собранная решимость.

— Кто сделал? — уже жёстче спросила она, и в её голосе не было жалости — лишь ярость, готовая выплеснуться наружу.

Элисон покачала головой, не поднимая глаз:

— Не надо. Просто дайте мне посидеть. И не смотрите так… Я справлюсь.

Но Далия не слушала. Она уже наливала в миску воду из кувшина, хмуро бормоча себе под нос:

— Сейчас станет легче. А потом мы придумаем, что делать…

Вместе с Лидией они начали оказывать первую помощь. Осторожно, едва касаясь, смывали водой выступившую

кровь. Элисон прикрыла рот ладонью, чтобы не закричать в голос: каждое движение, даже самое бережное, приносило новую вспышку боли, будто по ранам водили наждачной бумагой.

Лидия открыла принесённую баночку. Из неё пахнуло мятой и чем-то терпким, травяным. Осторожно, миллиметр за миллиметром, она стала наносить густую мазь на рубцы. Элисон зажмурилась, впиваясь ногтями в простыни, но держалась, не издавая ни звука.

— Это ведь то, о чём ты говорила вчера? — хмуро спросила Далия, не глядя на подругу, сосредоточенно выжимая тряпицу над миской.

Рука Лидии на мгновенье замерла над икрой Элисон, пальцы чуть дрогнули, будто она сама почувствовала эту боль. Но тут же девушка продолжила, водя мазью по рубцам уже не так осторожно, а скорее торопливо, словно хотела поскорее закрыть эти раны от чужих глаз.

Элисон снова промолчала, и Далия приняла это молчание за согласие, за признание: да, всё именно так плохо, как кажется. Грубые ругательства, ничуть не мягче тех, что иногда срывались с языка у Джоэля, снова слетели с её губ — не для того, чтобы ранить, а чтобы выпустить наружу эту невыносимую, колючую злость.

— Когда ты говорила, что графиня заставит тебя платить, я не думала, что плата будет такой! — воскликнула Далия, и голос её дрожал от ярости и запоздалого раскаяния.

Было непонятно, на кого именно она сейчас злилась: на Элисон — за то, что не рассказала всё до конца, не крикнула, не потянула за руку, не умоляла поверить; или на саму себя — за то, что отмахнулась, решила, что это просто очередные тяготы службы, обычные придирки, которые нужно перетерпеть.

— Джоэль сказал, что мазь должна снять боль, — тихо произнесла Лидия, заканчивая наносить средство. — А жидкое лекарство нужно будет выпить перед выходом. Оно горькое, но помогает держаться на ногах.

— Спасибо, — искренне, почти шёпотом поблагодарила Элисон.

И это «спасибо» было не просто вежливостью: в нём звучала настоящая, глубокая признательность за то, что они не отвернулись, не сказали «сама виновата», не ушли по своим делам.

Как ни странно, но мазь действительно облегчала боль. Она будто вытягивала невыносимый жар, заменяя его прохладой, которая стекала по коже и проникала глубже, в саму ткань мышц. Боль не исчезла совсем — она просто отступила, спряталась в тень, оставив после себя лишь тупую, глухую тяжесть.

— За что она тебя? — осторожно, почти боязливо спросила Далия, будто боялась услышать ответ, но не спросить уже не могла.

Лидия тем временем собирала всё, что использовали для

лечения: миску с розовой от крови водой, тряпицы, баночку. Она двигалась быстро, но аккуратно, стараясь не шуметь, будто боялась, что стены этого дома умеют подслушивать.

— В чай, что приготовила Джейн, кто-то налил уксус, — тихо, ровно, без лишних эмоций рассказала Элисон. — Юная госпожа едва не выпила его.

Далия снова выругалась, на этот раз тише, но с такой силой, что даже воздух в комнате будто сгустился.

Внимание Элисон привлекла Лидия: та вдруг замерла, с каким-то особым, пристальным интересом рассматривая жестяную баночку из-под мази. Она повертела её в пальцах, разглядывая тиснение на крышке, провела ногтем по шву, будто пыталась прочесть в этих мелочах какую-то скрытую тайну.

— Что-то не так, Лидия? — спросила Элисон, приподнимаясь на локте.

— Нет-нет, всё хорошо, — тут же замахала руками Лидия, будто испугавшись, что выдала слишком много. — Просто… Мой брат работает фармацевтом. Так вот, эта мазь — не простая. В ней есть частички исцеляющей магии. Они дают тот самый охлаждающий эффект и помогают тканям быстрее восстанавливаться. Штука довольно дорогая. В обычной аптечке для служащих такого точно не бывает. Видимо, Джоэль достал её из своих личных запасов.

— Чтобы наш скряга да так расщедрился? — хмыкнула Далия, складывая руки на груди и пытаясь спрятать за иро-

нией свою тревогу. — Не верю.

— Может, он тоже боится получить наказание? — предположила Элисон, опускаясь обратно на подушку. — У него для меня было какое-то задание, но, увидев моё состояние, он так ничего и не сказал. Наверное, если я его не выполню, ему тоже достанется.

— Сомневаюсь, что графиня станет его бить, — нервно хихикнула Далия, но смех вышел сухим, безрадостным. — Кстати, а она лично… ну, била?

Элисон замешкалась с ответом, пальцы невольно вцепились в край простыни. Ей не хотелось произносить это вслух, будто само слово могло сделать случившееся ещё реальнее, ещё тяжелее.

Но первой догадалась Лидия. Она не смотрела на Элисон, а продолжала складывать тряпицы, но голос её прозвучал уверенно, без тени сомнения:

— Перл, — сказала она.

И снова повисла тишина — не пустая, а густая, наполненная невысказанными мыслями. Элисон в который раз промолчала, но в этом молчании не было тайны. Это было просто нежелание снова произносить имя той, чьи руки принесли столько боли.

***

Как и было приказано, ровно через два часа Элисон стояла у кареты. На ней было одно из новых платьев — аккуратное, дорогое, сшитое так, что любая другая девушка кружи-

лась бы перед зеркалом, любуясь собой. Но даже изысканная ткань и изящная отделка не могли поднять Элисон настроение. Поездка в академию, которая ещё недавно казалась ей пусть и тревожным, но шансом на передышку, теперь ощущалась как очередное испытание.

Лекарства, которые дал Джоэль, действительно помогли: жгучая боль утихла, сменившись тупой, ноющей тяжестью, позволявшей держаться на ногах и не морщиться при каждом шаге. Но они не могли залечить ту боль, что жила глубже, — ту, от которой сжималось сердце и холодели ладони. И хуже всего было то, что до этой боли никому не было дела. Это и была её реальность: красивые платья, чистые дорожки, сияющие окна особняка — и внутри всего этого она оставалась просто частью обстановки, которую замечают, только когда она мешает.

Рядом, напротив, всё лучилось жизнью. Беатрис едва ли не вприпрыжку бежала к карете, а Джейн едва поспевала за ней, придерживая подол своего скромного платья. В новом розовом наряде, с кудряшками, аккуратно уложенными вокруг лица, девочка походила на воздушное пирожное — такое, что хочется съесть, пока оно не растаяло. Её глаза сияли, а улыбка не сходила с лица ни на секунду.

— Ты так рада, что увидишь своего брата? — с лёгкой улыбкой спросила графиня, глядя на дочь с той смесью нежности и сдержанности, которая была ей свойственна.

— Да! — воскликнула Беатрис, подпрыгивая на месте от

нетерпения. — А ещё я увижу академию, в которой скоро и сама буду учиться! Там ведь столько всего интересного: залы, библиотеки, коридоры, по которым ходят настоящие студенты… Я всё хочу рассмотреть!

Она, радостно щебеча, с помощью Джейн устроилась в карете.

— Граф? — тихо, почти без надежды, спросила Кейт у Джоэля, который молча замер чуть в стороне, будто стараясь стать незаметным, но всё равно оставаясь опорой всего этого дома.

Дворецкий в ответ медленно покачал головой и виновато опустил глаза. Этого жеста хватило, чтобы всё стало ясно без слов: граф не приедет. Не сочтёт нужным. Или просто не захочет. Кейт печально улыбнулась, будто примиряясь с чем-то давно знакомым и оттого не таким острым, и села в карету. За ней последовали Джейн и Перл. Когда подошла очередь Элисон, горничная неожиданно шагнула вперёд, преграждая ей путь.

— Куда? Не видишь, что здесь уже нет места? — хмыкнула Перл, и в её голосе сквозила не забота о порядке, а удовольствие от возможности унизить. — Ступай к кучеру, раз уж сама догадаться не можешь. Тебе там самое место.

С этими словами она хлопнула дверцей кареты прямо перед носом Элисон. Звук отозвался в груди девушки короткой, глухой болью — будто захлопнулась не дверца, а какая-то маленькая надежда.

Ей ничего не оставалось, кроме как повернуться и направиться к передку экипажа, стараясь не выдать, как сильно дрожат колени. Когда она уже занесла ногу, чтобы подняться на подножку, рядом снова оказался Джоэль. Дворецкий, не говоря ни слова, галантно протянул руку — так, словно это самое естественное дело в мире: помочь девушке, которой и так тяжело.

— Спасибо, — тихо, но искренне улыбнулась Элисон, и эта улыбка была не столько от радости, сколько от облегчения: кто-то всё же видит её, кто-то не хочет, чтобы она упала.

Джоэль улыбнулся в ответ — не широко, не напоказ, а так, чтобы только она заметила. И в этой улыбке было больше поддержки, чем в любых словах.

Глава 6

Королевская академия возвышалась над столицей, словно спящий каменный гигант, равнодушный к суете внизу. Это был не просто учебный корпус — целый город в городе, лабиринт из серого гранита и чёрного мрамора. Его шпили пронзали низкие облака и растворялись в туманной дымке.

Элисон знала об академии из книг, которые тайком брала в библиотеке и жадно читала в редкие свободные минуты. Из них она узнала, что главное здание возводили веками, и оно впитало в себя несколько эпох. Строгая готика старых башен, где когдато обучались лишь боевые маги, соседствовала с пышным барокко новых факультетов алхимии и изящных искусств.

Центральный портал поражал воображение. Массивные дубовые ворота, обитые потемневшей от времени бронзой, украшали барельефы мифических существ: грифоны, драконы и странные звери, которых не встретишь ни в одном лесу. Над входом нависала гигантская арка, испещрённая рунами сдерживания — на случай, если практическое занятие по стихийной магии вдруг выйдет из-под контроля. Эти руны тускло мерцали, напоминая о том, что в этих стенах когда-то жила магия.

Внутренний двор напоминал исполинскую чашу, в которой собирались все звуки и запахи дня. В самом центре дво-

ра бил Источник — круглый бассейн из цельного куска малахита. Вода в нём светилась мягким изумрудным светом даже глубокой ночью, будто в ней жила собственная, тихая магия. Студенты верили, что эта вода способна смыть усталость после тяжёлых экзаменов, и в дни сессий у бассейна всегда толпились измученные юноши и девушки, надеясь хоть на каплю облегчения.

К тому моменту, когда экипаж семейства Триваль миновал тяжёлые чугунные ворота академии, внутренний двор уже гудел, как растревоженный улей. Здесь смешались сотни голосов: радостные крики, нервные смешки, взволнованные перешёптывания. Воздух, который обычно пах старой бумагой и речной сыростью от фонтанов, сегодня был совсем другим. В нём витали терпкие духи столичных модниц, пряный запах дорогого табака из курительных комнат отцов-аристократов и тот особенный, ни с чем не сравнимый аромат юношеского волнения — смесь восторга и животного ужаса перед неизвестностью.

Выпускники — вчерашние мальчишки и девчонки, годами делившие скамьи самых разных факультетов, — преобразились до неузнаваемости. На смену потёртым мантиям теоретиков и грубым курткам магов пришли строгие фраки цвета воронова крыла и платья глубоких тонов — сапфирового, изумрудного и аметистового. Однако под этой внешней бронёй безупречного лоска бушевала настоящая буря чувств.

Настроение толпы напоминало натянутую струну лиры —

ещё чуть-чуть, и она лопнет от напряжения. Старшекурсники сбивались в группки у фонтана, пытаясь сохранить на лицах маску пресыщенного спокойствия, но выдавали себя с головой. Кто-то нервно теребил манжеты белоснежных перчаток, будто надеялся, что если разгладит каждую складку, то и тревога уйдёт. Кто-то слишком громко смеялся над старыми студенческими шутками, стараясь заглушить страх, который царапал изнутри.

Сегодня они получали не просто дипломы. Сегодня решалась их судьба, и разница между факультетами ощущалась почти физически. В одной группе стояли «практики» — будущие инженерымеханики, архитекторы и корабелы. Их одежда была скроена удобнее, без лишней вычурности, а во взглядах читался холодный расчёт людей, привыкших измерять успех весом металла и прочностью узлов. Они обсуждали не заклинания, а чертежи новых паровых двигателей, которые должны были перевернуть торговлю в королевстве.

Чуть поодаль, в тени старых вязов, собрались гуманитарии: юристы, финансисты и дипломаты. Эти двигались плавнее всех, их улыбки были выверены до миллиметра, ведь для них Академия заканчивалась не правом творить магию, а правом подписывать государственные бумаги. В их разговорах звучало не «как это работает», а «как это продать», «как это оформить», «как заставить это работать на род».

— Видишь того рыжего? — прошелестел голос Беатрис, обращённый к Джейн, пока они ожидали графиню у экипа-

жа. — Это Томас Норрис с факультета правопорядка. Говорят, он создал такое плетение щита, что профессора сами не смогли его пробить. У него будет выбор между личной гвардией короля и золотым запасом торгового дома Бриггсов. А вон тот бледный юноша в серебряном шитье — это Саймон из юридического. Если ему дадут место младшего клерка в Казначействе, отец лишит его содержания за то, что он выбрал налоги вместо управления родовым поместьем.

Элисон могла лишь догадываться, откуда десятилетняя девочка, которая впервые покинула поместье, могла всё это знать. Может, подслушивала разговоры взрослых в коридорах дома, ловя обрывки фраз и сплетая их в целую картину. А может, ей рассказывала Кейт — или кто-то из горничных, кто помнил свои юные годы и с лёгкой грустью вспоминал, как и сам когда-то стоял на этом дворе, полный надежд и страхов.

Графиня подошла к ним, прямая и собранная, будто сама была частью этого каменного величия академии. Она скользнула взглядом по толпе, отмечая знакомые лица, кивая кое-кому из профессоров, и в этом жесте было столько холодной уверенности, что даже самые нервные выпускники невольно расправляли плечи, будто хотели выглядеть достойнее перед её взглядом.

— Держи спину ровно, Беатрис, — тихо, но твёрдо сказала Кейт. — Ты — наследница рода Триваль. Здесь каждый смотрит и делает выводы.

Девочка тут же выпрямилась, стараясь подражать матери, и даже её восторженное выражение лица стало чуть сдержаннее, будто она вдруг осознала, что сегодня она не просто любопытная девочка, а часть чего-то большего.

Элисон стояла чуть позади, стараясь быть незаметной, слиться с фоном. Но при этом она жадно впитывала каждую деталь: как вспыхивают глаза у выпускников, когда кто-то произносит их имя; как дрожат пальцы у тех, кто пытается казаться хладнокровным; как в воздухе висит это странное, горьковатосладкое чувство — радость от того, что долгий путь почти пройден, и ужас перед тем, что ждёт впереди.

Она вдруг подумала, что, наверное, именно так и выглядит настоящая свобода — не как лёгкость, а как тяжесть выбора, который ложится на плечи и уже не даёт распрямиться. И в этот момент ей стало чуть легче от того, что её собственная судьба, какой бы тяжёлой она ни была, уже расписана по дням и часам. Ей не нужно было стоять здесь и гадать, куда занесёт её завтрашний ветер. Её путь был прост и ясен — быть рядом, следить, молчать и терпеть.

И всё же, глядя на этих юношей и девушек, Элисон чувствовала странное, тихое волнение. Не зависть, не тоску, а что-то похожее на уважение. Они боялись, но всё равно шли вперёд. И, может быть, в этом и была их сила.

Айзека ещё не было видно. Скорее всего, он находился во внутренних покоях, куда вход посетителям был заказан.

Церемония по традиции проходила на площади перед

главным входом в академию. На ступенях установили трибуну, рядом разместили места для ректора, профессоров и почётных гостей. Прямо напротив выставили стулья для выпускников, а сразу за ними — для их родителей и гостей. Слугам там сидеть, конечно, было нельзя. Их место — в стороне, под тенью старых вязов, где листва приглушала и шум, и блеск, и делала их почти невидимыми. Там они должны были ожидать своих хозяев, не мозоля людям с «голубой кровью» глаза.

Когда графиня с дочерью заняли свои места в ряду почётных гостей, Элисон вместе с Джейн и Перл отошла к группе других слуг. Ей не хотелось оставаться с Перл наедине, не хотелось снова ловить на себе её колючие взгляды или слушать презрительные реплики, брошенные будто невзначай. К счастью, личная горничная графини тут же завела оживлённый разговор с прислугой из других домов — о погоде, о дороге, о том, как трудно было пробраться через утренние пробки в столице. Элисон, едва слышно выдохнув, незаметно отодвинулась чуть дальше, в полутень, где её точно не заметят.

Когда все места были заняты, грянули трубы — резкие, торжественные, проникающие до самых костей. Этот звук будто разделил время на «до» и «после». Разговоры стихли, головы повернулись к трибуне, даже самые беспечные выпускники вдруг стали серьёзными, будто вспомнили, зачем они здесь.

Первым слово держал ректор академии — старик с лицом, изборождённым морщинами, но с глазами, в которых до сих пор горел огонь. Он поблагодарил всех присутствующих, поздравил выпускников и с достоинством, без лишней патетики, озвучил имена почётных гостей.

Элисон стояла в тени, почти слившись с грубой корой дерева, и слушала эти речи, не вдумываясь в слова. Она чувствовала, как постепенно утихает боль в икрах — мазь Джоэля и правда работала, вытягивая жар и оставляя после себя лишь лёгкое, почти незаметное покалывание. Но вместе с болью уходила и какая-то часть её самой: напряжение, готовность в любой момент сжаться и ждать удара. Здесь, на этой площади, среди сотен людей, она вдруг почувствовала себя в безопасности — хотя бы на время церемонии. Никто не смотрел на неё, никто не требовал от неё ничего. Она могла просто стоять и дышать.

А над площадью тем временем плыли слова, полные надежд и обещаний, и казалось, что даже каменные стены академии слушают их с особым вниманием, будто тоже хотят запомнить этот день.

Слуха Элисон коснулся чужой разговор. В этом море чужих лиц и дорогих тканей она чувствовала себя невидимкой — и в этом была своя тихая польза. Невидимок никто не замечает, зато они могут слышать то, что не предназначено для чужих ушей.

— Смотри, вон там, у восточной колоннады, — прошеле-

стел голос одной из горничных, прячущейся за стволом старого дуба. — Герцог Себастьян Рейнхолл.

Элисон едва заметно скосила глаза, не поворачивая головы — лишь так, чтобы краешком зрения ухватить нужную точку. Там действительно стоял мужчина, чья фигура излучала холодную отстранённость даже на расстоянии. Одетый во всё чёрное, он казался изваянием, случайно забытым скульптором посреди оживающей площади. Он не смешивался с толпой взволнованных родителей, не кивал знакомым, не искал глазами своих. Просто стоял, прямой, неподвижный, будто сам удерживал равновесие этого дня.

— Говорят, ему уже за сорок, — так же тихо ответила вторая служанка, нервно теребя ленты своего чепца. — И выглядит он… уставшим. Я слышала, что леди Элеонора совсем плоха. Какая-то хворь лёгких, которую лучшие лекари столицы боятся даже называть вслух. Потому его светлость почти и не выезжает никуда последние годы. Всё при ней сидит.

Первая девушка тяжело вздохнула, всем своим видом выражая сочувствие:

— Да уж, участь хуже не придумаешь. Молодость сгубил ради долга, а теперь и старости порадоваться не дают. Одни болезни кругом…

Она хотела добавить что-то ещё, наклонившись ближе к собеседнице, но вдруг осеклась. Её взгляд метнулся в сторону, где стояли лакеи аристократов постарше — суровые,

молчаливые, с лицами, будто высеченными из камня. Они бросили на перешёптывающихся девушек короткий, тяжёлый взгляд. Одна из старших камеристок тут же резко прижала палец к губам, призывая к тишине, что обе горничные тут же втянули головы в плечи, как птенцы под крыло.

— …из-за той ситуации с ребёнком, — всё-таки успела выдохнуть первая служанка, прежде чем окончательно прикусить язык. Она неловко переступила с ноги на ногу, словно земля под ней стала горячей, и тут же уставилась в одну точку, будто пыталась притвориться частью пейзажа.

Элисон не шелохнулась, будто ничего не слышала.

Толпа студентов снова загудела, приветствуя очередного почётного гостя, и этот шум стал для всех маленьким спасением. Служанки мгновенно приняли самый занятой вид: одна принялась протирать и без того безупречно чистые серебряные пуговицы на ливрее, другая нервно оправила фартук, будто от этого зависела её судьба. Разговор о герцоге Рейнхолле был мгновенно похоронен под слоем показной деловитости.

Тем временем церемония шла своим чередом. Когда стали зачитывать имена выпускников, каждый из них поднимался со своего места и под гул аплодисментов подходил к ректору за дипломом. Имен было так много, что вскоре Элисон совсем потеряла счёт: какое по счёту имя прозвучало, кому оно принадлежало — всё слилось в один ровный поток звуков. Но одно имя она бы расслышала даже сквозь раскат

грома.

— Айзек Триваль!

С такого расстояния она не могла разглядеть его лица, не могла увидеть, как он слегка наклонил голову, принимая диплом, как чуть крепче сжал пальцы на твёрдой обложке пергамента. Но даже отсюда, из тени вязов, было видно, что из десятилетнего мальчишки он вырос в молодого мужчину. Наверное, он теперь такого же роста, как их отец. А если пошёл в сторону матери — возможно, даже выше. Те же каштановые волосы, уложенные не по моде, а так, как ему удобно. Та же походка — ровная, уверенная, человека, который знает себе цену.

Элисон едва слышно вздохнула. Времени до их неизбежной встречи оставалось всё меньше, и от этого внутри всё сжималось. Ей бы хотелось растянуть эти минуты, спрятаться в этой толпе ещё хоть ненадолго, чтобы не сталкиваться лицом к лицу с тем, кем он стал.

Наконец последний выпускник получил свой диплом. Ректор снова поздравил всех, напомнил, что ждёт юных представителей их семей на смену старшим уже осенью, и на этом церемония была окончена. Студенты стали расходиться, смешиваясь с толпой, спеша к своим семьям, чтобы обнять, рассказать, похвастаться, просто постоять рядом с теми, кто столько лет ждал этого дня. Слуги поспешили обратно к своим хозяевам, стараясь не терять их из виду в этом людском море.

В этом водовороте лиц и движений легко было потеряться — что, собственно, и случилось с Элисон. Зазевавшись, она не заметила, в какую сторону свернули Перл и Джейн. Остановившись, она стала вертеть головой, пытаясь выхватить среди множества спин знакомые силуэты. Наконец они мелькнули впереди, и, не глядя по сторонам, Элисон поспешила их нагнать.

Неизбежное столкновение не заставило себя ждать. Удар вышел такой силы, что она не удержалась на ногах и тяжело шлепнулась на брусчатку. Колени отозвались тупой болью, а ладони, которыми она инстинктивно попыталась смягчить падение, обожгло резкой, колючей вспышкой. Мало ей было ноющих от ударов икр — теперь ещё и содранная кожа на руках начала печь, будто её приложили к раскалённому металлу.

— Прошу прощения, леди. Вы в порядке? — раздался над её головой приятный, глубокий мужской голос.

Элисон подняла голову. Над ней, склонившись и протянув руку, стоял незнакомый молодой мужчина. В его взгляде не было ни насмешки, ни равнодушия — только искреннее беспокойство.

— Ты чего тут расселась? Хватит нас позорить! — тут же в стороне послышалось злое шипение Перл.

Испугавшись, Элисон тут же вскочила на ноги, будто подброшенная невидимой силой, и, не глядя на протянутую руку, отступила на шаг.

— Прошу прощения, господин, — низко поклонилась она, стараясь, чтобы голос не дрогнул, и тут же поспешила к Перл, из глаз которой буквально сыпались искры.

Личная горничная графини принялась ругать её, не стесняясь в выражениях, сыпля словами, как острыми камешками. Привычная к этому Элисон пропускала все слова мимо ушей, молча следуя за ней, будто шла сквозь холодный ливень, к которому уже успела привыкнуть. Не выдержав, она всё же оглянулась назад. Мужчина, с которым она столкнулась, всё ещё стоял на том же месте и смотрел ей вслед.

— Убогая! — дёрнула Перл её за руку, напоследок ущипнув так, что на коже тут же проступил красный след.

Элисон отвернулась. Ей снова не удалось разглядеть его лицо как следует. В памяти остались лишь детали, вспыхнувшие в сознании яркой картинкой: иссинячёрные волосы, уложенные без лишней вычурности, и выразительные синие глаза.

Перл отпустила руку Элисон только тогда, когда они подошли к Кейт и Беатрис. Девочка чтото увлечённо рассказывала матери, размахивая руками и то и дело подпрыгивая на месте. Было видно, что она под сильным впечатлением от прошедшей церемонии и уже сама с нетерпением ждёт своего поступления в академию. Её глаза горели, а голос звенел от восторга.

— Матушка! — раздался вдруг незнакомый мужской голос в стороне.

— Сынок! — улыбнулась Кейт и протянула руки для объятия.

Айзек шагнул к матери, и она прижала его к себе, будто хотела убедиться, что он настоящий, что все эти годы разлуки не были сном. Он обнял её в ответ, чуть неловко, но крепко, словно боялся.

Элисон и другие служанки присели в почтительном поклоне, приветствуя юного господина. Элисон тайком рассматривала его, стараясь делать это незаметно, будто крала эти мгновения. За восемь лет Айзек действительно изменился до неузнаваемости. От мальчишки, который только и делал, что уплетал сладости и жаловался матери на несправедливость мира, не осталось и следа.

Перед ними стоял молодой, крепкий и удивительно симпатичный мужчина. Высокий рост, широкие плечи — было видно, что от тренировок, на которые он когдато так не желал ходить, парень всё же не стал отказываться. Лицо его тоже изменилось: черты заострились, стали более жёсткими, обрели ту самую собранность, которая отличает тех, кто привык отвечать не только за себя. Но вот глаза, унаследованные от матери, остались прежними — в них всё ещё можно было разглядеть ту самую искру, которая когдато заставляла его смеяться до слёз и мечтать о великих подвигах.

— Как же ты вырос, — отстранившись, Кейт с гордостью осмотрела сына с головы до ног, будто хотела запечатлеть в памяти каждую черту, каждый новый штрих в его облике. —

Прими мои поздравления с выпускным.

— Спасибо, — улыбнулся Айзек, и в этой улыбке было столько света, что даже хмурое небо над площадью будто чуть просветлело. Он перевёл взгляд на Беатрис, которая смущённо выглядывала изза юбки матери, и глаза его потеплели. — Неужели это моя любимая сестра? Беатрис, ты так выросла! Когда я видел тебя в последний раз, ты была ниже моего колена и походила на маленького бурундучка.

Щёки Беатрис вспыхнули ярким румянцем — сравнение с бурундуком ей явно пришлось не по душе, но радость от встречи с братом всё же пересилила стеснение. Храбро сделав шаг вперёд, девочка старательно изобразила реверанс — не идеальный, но исполненный такой искренности, что он стоил десятка безупречных поклонов.

— Прими мои наилучшие поздравления с окончанием обучения, братик, — выговорила она, чуть запнувшись на слове «наилучшие», и тут же выпрямилась, стараясь выглядеть как можно взрослее. —Эти цветы в подарок от меня.

Джейн послушно передала Айзеку букет, который до этого держала в своих руках. Лепестки слегка дрожали, будто и они чувствовали волнение девочки. Молодой Триваль снова улыбнулся, и Элисон вынуждена была признать: эта улыбка, лёгкая, но уверенная, наверняка покорила не одно девичье сердце в академии.

— Благодарю вас, юная леди, — взяв руку сестры, Айзек мягко коснулся губами её ладошки. Щёки девочки снова

вспыхнули и стали похожи цветом на спелые томаты, а в глазах заплясали искорки восторга. — Боюсь, мне придётся всё время держать наготове свой меч, потому что двери нашего дома будут атаковать твои бесчисленные поклонники.

— Ох, Айзек, прекрати вгонять её в краску, — тихонько рассмеялась Кейт, прикрыв губы кончиками пальцев. В её смехе звучала та самая нежность, которую она редко позволяла себе проявлять на людях, и от этого смех казался особенно ценным.

Неожиданно взгляд Айзека упал на Элисон. Девушка стояла чуть позади Беатрис.

— Невозможно, — беззвучно выдохнул он, делая непроизвольный шаг вперёд, будто хотел подойти ближе.

Холодная маска безразличия на лице Айзека дала трещину. Брови сошлись на переносице в недоумении, а взгляд стал острым, будто он пытался пронзить девушку насквозь.

Элисон, услышав какой-то новый, изменившийся оттенок в голосе, обернулась и подняла глаза. Увидев, как он смотрит на неё — изучающе, холодно, почти брезгливо, словно на чужого человека, она опустила ресницы и сделала едва заметный шаг назад, снова стараясь стать незаметной, слиться с фоном.

— Мама, — произнёс Айзек, понизив голос. — Та девушка… Рядом с Бет. В сером. Кто она?

Лицо Кейт осталось непроницаемым, но пальцы, сжимавшие веер, побелели, а костяшки едва заметно напряглись.

Она выдержала короткую паузу — ровно столько, чтобы вернуть себе привычную невозмутимость, и ответила спокойно, без лишних эмоций:

— Это Элисон, Айзек. Очевидно, ты забыл, как она выглядит.

— Не может быть, — снова выдохнул Айзек, и в этом шёпоте прозвучало не отрицание, а растерянность.

Элисон отступила ещё на шажок — так, чтобы между ней и ними оказалось хоть немного пространства. Но уйти совсем, раствориться в толпе она не могла.

И тут, разрезая толпу, словно тяжёлый военный корабль, в их сторону направлялся сам граф Кристоф Триваль. За прошедшие годы в его внешности прибавилось морщин, а взгляд стал ещё более хмурым и холодным — будто годы не смягчили его, а только выточили из камня что-то ещё более твёрдое и безжалостное. Когда он увидел свою семью, то скривился так, будто съел лимон, и в этом гримасе не было ни радости, ни облегчения — только раздражение, словно они нарушили какой-то важный, только ему известный порядок.

— Что ты здесь делаешь? — вместо слов приветствия бросил граф, глядя на жену так, будто она стояла не перед ним, а где-то на чужой, враждебной земле.

— И это всё, что ты можешь сказать мне спустя столько лет? — голос Кейт неожиданно дрогнул, и в этой едва уловимой дрожи было столько боли, что она прозвучала громче любого крика. Но почти сразу графиня взяла себя в руки, и

голос её снова стал ровным, холодным, как лезвие. — Я не пленница, Кристоф. Мой сын окончил академию. По-твоему, я даже не имею права её посетить?

Взгляд Кристофа наконец упал на Айзека — не как на сына, не как на человека, а будто на предмет, который нужно оценить и найти в нём изъян.

— Закончил, — сухо кивнул он. — И это единственное его достижение. Не смог попасть даже в десятку лучших.

Айзек опустил голову. Его пальцы, сжимавшие букет, побелели, будто он пытался удержать в руках не цветы, а собственную гордость, которая сейчас рассыпалась на мелкие осколки. Стебли чуть хрустнули, но он не заметил.

— Да как ты только можешь… — выдохнула Кейт, но тут же понизила голос, стискивая зубы, чтобы никто посторонний не услышал её боли.

Для всех они должны были выглядеть образцовой семьёй — величественной, сплочённой, достойной своего имени. Но сейчас эта маска трещала по швам, и каждый шов грозил разойтись прямо на глазах у всех этих любопытных взглядов.

Беатрис испуганно прислонилась к матери, будто искала в её боку хоть каплю тепла и защиты. Не на такую встречу с отцом она надеялась все эти годы. Она так ждала этого дня, представляла, как он улыбнётся ей, скажет что-то доброе, обнимет… Но за всё это время он не бросил на неё ни единого взгляда. Будто она и вправду ничего не значила для него. Впрочем, так оно и было.

— Прекрати так себя вести, — прошипела на графа супруга, и в её голосе не осталось ничего, кроме ледяной ярости.

Граф Триваль сощурил глаза и посмотрел на жену. Но тут его взгляд скользнул дальше — на замерших в стороне слуг, на Перл, на Джейн… и остановился на Элисон.

Его глаза расширились, а дыхание стало прерывистым, неровным, будто ему вдруг не хватило воздуха. Лицо на мгновение потеряло привычную жёсткость, и на нём проступило что-то такое, что никто не ожидал увидеть у Кристофа Триваля — растерянность, почти испуг. Его взгляд стал таким, будто перед ним стоял не живой человек из крови и плоти, а призрак, которого он столько лет старался не замечать, не вспоминать, вычеркнуть из памяти. Рука его непроизвольно потянулась в её сторону — словно сама по себе, вопреки воле хозяина.

Но он тут же резко сжал её в кулак и вернул обратно, будто ошпарился. Все те чувства, что на миг промелькнули на его лице — удивление, боль, может быть, даже вина, — мгновенно сменились самой настоящей злостью. Она разлилась по его лицу, как тёмная вода, затопляя всё остальное.

— Бет, милая, поздоровайся с…

— Зачем ты привела её сюда?! — не дав Кейт закончить, зашипел граф, делая резкий шаг вперёд и оказываясь прямо перед носом жены. Голос его был тихим, но от этого звучал ещё страшнее — будто внутри него клокотала буря, готовая

вот-вот вырваться наружу.

Беатрис не на шутку испугалась. На её глазах выступили слёзы, и она попятилась к Джейн, цепляясь за подол её платья, как за единственную опору в этом вдруг ставшем враждебным мире. Айзек смотрел на отца, нахмурившись, будто боролся с собой, чтобы не сказать что-то, что сделает только хуже. Элисон же думала, что стук её сердца сейчас слышал каждый, кто стоял на этой площади. Ей было страшно до дрожи, до холодного пота, стекавшего по спине. Она даже не сомневалась, что слово «её» относилось именно к ней. Неужели её появление на публике для графа столь страшно и омерзительно? Будто одно её присутствие могло разрушить всё, что он так старательно выстраивал.

— Кристоф, держи себя в руках. На тебя смотрят твои дети и другие люди. Ты позоришь нас, — с силой сжимая двумя руками веер, тихо, но твёрдо сказала графиня. В её голосе не было мольбы — только холодная сталь, которая, впрочем, сейчас едва сдерживала дрожь.

— Ты глухая или тупая? Как ты осмелилась привезти Элисон сюда? — прошипел в ответ граф, и от этих слов даже воздух вокруг будто заледенел.

Люди стали оборачиваться в их сторону. Сначала украдкой, боковым зрением, потом уже не скрываясь. Всем вокруг было ясно: супруги Триваль не о погоде беседуют. Графиня не появлялась в столице больше десяти лет, и её первое появление на публике грозило войти в столичные хроники не

как триумф, а как скандал. Кто-то перешёптывался, прикрываясь веерами, кто-то делал вид, что поправляет манжету, но все слушали, жадно впитывая каждое слово.

— Отец, всё же не стоит… — попытался вступиться за мать Айзек, голос его прозвучал твёрже, чем он сам ожидал. Но хватило одного взгляда графа — тяжёлого, испепеляющего, — чтобы он снова замолчал, будто слова застряли у него в горле.

— Вон там? Разве это не герцог Рейнхолл? — заметил какой-то лорд, стоявший неподалёку, и в его голосе прозвучало искреннее любопытство, будто он надеялся, что эта фраза сможет отвлечь всех от разворачивающейся драмы.

И в тот же миг граф Триваль преобразился. Элисон испугалась: ещё никогда в жизни она не видела столько ненависти во взгляде человека. Это не было ни обычной злостью, ни вспышкой гнева — это была неприкрытая, лютая ненависть, будто в нём вскипала древняя, давно копившаяся вражда. Но на кого она была обращена? На неё? На графиню?

Пройдя прямо между Кейт и Беатрис, так и не взглянув на младшую дочь, граф оказался прямо перед Элисон. Она невольно отступила, но уйти было некуда — за спиной была толпа, чужие лица, любопытные глаза.

Больно схватив Элисон за руку, Кристоф потащил её за собой, спеша как можно скорее покинуть площадь академии. Камни брусчатки больно били по подошвам, но она едва чувствовала их — всё её внимание сосредоточилось на железной

хватке графа и на том, как стремительно рушится этот день.

Кейт с детьми остались стоять, недоумённо глядя им вслед. Беатрис всхлипнула, прижимая кулачки к глазам. Айзек стиснул зубы, будто хотел броситься следом, но что-то удерживало его на месте — возможно, понимание, что сейчас он только усугубит ситуацию.

Элисон испуганно оглянулась, пока граф тянул её прочь. В отчаянной надежде она обратила свой взгляд на Кейт. Она могла его остановить. Хотя бы попытаться. Но графиня осталась стоять на месте, прямая, словно высеченная из мрамора, и только в её взгляде будто что-то тихо рушилось с каждым шагом мужа. В нём было не поражение — скорее горькое осознание того, что сегодня она проиграла не в споре, а в битве за достоинство своей семьи.

Толпа, заметив, что скандал сходит на нет, начала медленно расходиться, перебрасываясь новыми сплетнями. Кто-то уже шептал, что граф Триваль всегда был человеком тяжёлого нрава, кто-то гадал, из-за чего вспыхнула ссора, а кто-то просто радовался, что стал свидетелем такого события.

Глава 7

В карете на пути домой граф не проронил ни слова. Сидевшая напротив него Элисон не знала, как себя вести: страх сковывал её, не давая возможности даже спокойно дышать. Мерный цокот копыт лошадей по дорогам столицы будто отсчитывал последние минуты до бури, которая, несомненно, обрушится на её голову, едва они прибудут на место.

Когда карета остановилась, Кристоф Триваль снова схватил руку Элисон и потащил её в сторону дома. Двери открыл Джоэль.

— Господин, вы верну… — дворецкий осёкся на полуслове, когда увидел, что Кристоф тащит с собой Элисон. В его глазах мелькнуло не удивление даже — скорее горькое понимание.

— Иди за мной, — бросил ему граф, не замедляя шага.

Джоэль послушно последовал за ними. Когда они пришли в гостиную, Кристоф наконец отпустил руку Элисон. Девушка тут же прижала её к груди: место, к которому прикасался граф, пульсировало, будто от ожога. Зашедший последним Джоэль прикрыл за собой дверь и послушно замер, склонив голову, в ожидании приказов хозяина.

— Когда эта женщина приехала сюда? — не оборачиваясь, спросил граф. Голос его звучал глухо, но в этой тишине он прозвучал, как удар.

— Графиня прибыла неделю назад, господин, — сдержанно ответил дворецкий.

— Почему мне не сообщили?! — взорвался граф.

Элисон вздрогнула от этого крика. Ей было жаль Джоэля, на которого и были обращены эта злость и недовольство, хотя он-то уж точно не мог повлиять на то, где и когда находится его госпожа.

— Я отправлял вам письмо, но, видимо, оно не застало вас, — тем же ровным, сдержанным голосом ответил дворецкий, будто знал: если показать хоть каплю эмоций, буря станет только сильнее.

Граф выругался. Сняв с себя сюртук, он швырнул его на одно из кресел и обернулся к замершим Джоэлю и Элисон. Ткань упала тяжёлым, бесформенным комком.

— Что о ней знают остальные? — спросил он, кивнув в сторону Элисон, будто произнести её имя было для него невыносимо.

— Элис… — Джоэль снова осёкся под взглядом графа и откашлялся, выравнивая голос. — Мисс Элисон была представлена всем как одна из служанок, сопровождающих графиню из Ларитана.

— Служанок? — переспросил граф и обернулся к Элисон. Взгляд его был острым, режущим. — Значит, все эти годы ты так и выполняла эту работу?

— Дда, — сглотнув ком в горле, ответила Элисон. Голос прозвучал едва слышно, но в тишине комнаты он прозвучал

отчётливо.

За дверями комнаты послышались чьи-то громкие голоса, а вскоре двери и вовсе открылись, пропуская саму графиню Кейт. За её спиной топтался напряжённый Айзек, а Джейн пыталась увести в комнату Беатрис — девочка всё ещё всхлипывала, цепляясь за юбку няни. Видимо, они выехали из академии сразу же вслед за графом и Элисон и теперь, задыхаясь от быстрой езды и от гнева, ворвались в дом, не дожидаясь церемоний.

— Кристоф! — Голос Кейт звенел, как натянутая струна. — Как долго это будет продолжаться? Как долго ты ещё будешь позорить нас?! Что ты творишь? Хоть на минутку задумался о том, что подумали о нас люди? Как стыдно нам было смотреть им в глаза! Как себя должен был чувствовать Айзек?!

Она была зла — не просто сердита, а по-настоящему разъярена. Когда граф уводил Элисон с площади академии, Кейт казалась опустошённой, будто из неё разом вытащили все силы. Сейчас же она являла из себя саму ярость: прямая, с высоко поднятой головой, с глазами, потемневшими от обиды и гнева.

— Всё, что от тебя требовалось, — тихо сидеть в Ларитане, — прошипел в ответ Кристоф. — Зачем ты припёрлась сюда и додумалась притащить с собой её?

Палец графа указал в сторону Элисон. Кейт не сразу нашлась, что ответить. Казалось, она просто не могла понять,

как можно было достучаться до этого человека. Он не то что не слышал — он даже не пытался услышать.

— Для тебя вообще есть хоть что-то святое? — выдохнула Кейт, и голос её сорвался с ровной интонации на хриплый крик, будто внутри неё лопнула туго натянутая струна. — Почему ты так злишься изза этой девчонки? Никто здесь не знает о ней, никто не знает, что ты обрёк себя и меня на вечный позор, бросил на меня своего бастарда — и чтото ещё смеешь требовать от меня?! Почему ты никак не можешь забыть о той дряни, что подарила этой девке жизнь?! Почему?! Да что такого в том, что она… Или… Постой! Неужели та женщина… Та тварь, что портит мою жизнь своей тенью, находилась там? Твоя любовница… Она не простая девка, как думала я, — она из благородных? Хотя какая благородная! Раз раздвинула ноги перед чужим мужем — самая настоящая шлюха!

Элисон впервые видела Кейт в таком состоянии. Графиня потеряла всякое самообладание: она кричала на мужа, обнажая всю ту боль, что годами копилась в груди. Слова летели, как осколки стекла, острые и безжалостные, и каждый из них ранил не только Кристофа, но и саму Кейт — Элисон видела это по тому, как дрожали её плечи, как сжимались и разжимались пальцы, будто она пыталась удержать себя, но уже не могла.

Но ещё больше Элисон не ожидала того, что граф в мгновенье ока окажется рядом с женой и даст ей звонкую пощё-

чину. Звук удара отозвался в комнате, как сухой треск ломающейся ветки, и на мгновение всё вокруг будто замерло.

Элисон в испуге прикрыла рот руками, чтобы не закричать. Голова Кейт дёрнулась в сторону. Она подняла дрожащую руку и коснулась набухающей щеки. В её взгляде было изумление — такое чистое, такое беспомощное, будто она не могла поверить, что это действительно произошло. Что человек, с которым она делила жизнь, смог поднять на неё руку.

— Не смей! — прошипел граф прямо в лицо жене, и в этом шёпоте было столько яда, что даже воздух вокруг стал тяжёлым. — Не смей говорить о *ней*. Ты не достойна даже *её* тени. Ты ничтожна по сравнению с *ней*.

— Ха, — выдохнула Кейт и подняла взгляд на Кристофа. Глаза её потемнели, будто в них погас последний свет. — Ненавижу. Как же я тебя ненавижу…

— Ты… — снова прошипел Кристоф, и в его голосе уже не было ни холода, ни расчёта — только голая, обжигающая ярость.

Между отцом и матерью неожиданно появился Айзек. Руки крепко сжаты в кулаки, плечи напряжены.

— Отец, успокойтесь, — тихо сказал он. — Едва вы снова посмеете коснуться матери, я не стану стоять в стороне.

— Мальчишка, отойди, — предупредил его Кристоф, но в этом приказе уже не было прежней уверенности. Он звучал как предупреждение, брошенное в пустоту.

— Сперва успокойтесь, — твёрдо повторил Айзек, не отступая ни на шаг.

Кристоф поднял руку с сжатым кулаком. На мгновение время будто остановилось, и Элисон показалось, что сейчас случится самое страшное. Она сама не поняла, как крепко схватила рукав Джоэля, вцепилась в него, как в единственную опору в этом рушащемся мире.

Дворецкий так же неосознанно накрыл её руку своей — не убирая, не отталкивая, а словно говоря: «Я здесь. Вы не одни».

— Господин, прислушайтесь к юному господину, — рискнул вмешаться Джоэль. Голос его прозвучал тихо, но твёрдо, как голос человека, который слишком долго молчал и теперь не мог позволить себе промолчать снова.

Кристоф бросил на него быстрый, стремительный взгляд — такой, каким смотрят на того, кто переступил невидимую черту. Но тут же снова обернулся, и его взгляд, тяжёлый и нечитаемый, упал на Элисон, на её руку, всё ещё лежащую на рукаве Джоэля.

Девушка вздрогнула и первой разорвала контакт, да ещё и попятилась назад, в попытке оказаться как можно дальше от этого взгляда, от этой ненависти, от всего, что сейчас витало в воздухе.

Граф отвернулся и снова посмотрел на сына и жену. Окинув этих двоих презрительным взглядом, он, кажется, действительно улыбнулся. Но это была не улыбка — это был

оскал, в котором не было ни тепла, ни радости, ни даже злорадства. В нём была только усталость от бесконечной борьбы и горькое удовлетворение от того, что он всё ещё мог диктовать условия.

— Мы возвращаемся в Ларитан. Завтра же. Джоэль, подготовь всё необходимое к отправке. И подготовь комнату на втором этаже, — холодно бросил граф.

Казалось, что его недавней вспышки, как и не бывало. Сейчас его лицо так же не выражало никаких эмоций — лишь холодное безразличие, будто он стёр из памяти и крик, и пощёчину, и всё, что между ними было.

— Я всё исполню, господин, — послушно склонился дворецкий. — Могу я узнать, для кого готовится комната, чтобы лучше всё подготовить?

Вместо ответа граф обернулся к Элисон. Девушка выдохнула, удивлённо глядя на отца. Она правильно всё поняла? Он намекает на то, что в комнате будет спать она? В груди шевельнулось что-то похожее на недоверие — будто она боялась поверить, что это не очередная жестокая шутка.

— Нет, — подала голос Кейт, и в этом единственном слове прозвучала вся её решимость. — Ты не сделаешь этого.

Кристоф обернулся к ней, и его взгляд стал острым, словно лезвие.

— Эта девка всего лишь служанка и будет жить там, где живут слуги, — дрожащим голосом сказала она, будто цепляясь за эту мысль, как за щит.

— Она — моя дочь, — твёрдо сказал мужчина, и эти слова прозвучали как приказ, который нельзя оспорить.

— Дочь? — фыркнула Кейт, и в её смехе не было ни капли веселья — только горечь, разъедающая изнутри. — А как же Беатрис? Твоя настоящая дочь ждала встречи с тобой всю свою жизнь, а ты даже не удостоил её взглядом. Да как у тебя вообще язык поворачивается называть себя отцом?!

Айзек осторожно взял мать за руку, призывая её к молчанию. Он понимал: она заступается не только за Элисон, но и за него самого — за того мальчишку, который столько лет искал в отцовском взгляде хоть искру одобрения и находил только презрение и недовольство. Но он также понимал, что, несмотря на всю свою показную храбрость, он не сможет выстоять против отца — и в первую очередь морально. Одно резкое слово, один тяжёлый взгляд могли снова заставить его почувствовать себя тем самым неловким, ничего не стоящим юнцом, которого вечно ставили на место.

— Тебе напомнить, на каком условии эта девчонка осталась в нашем доме? — спросила Кейт, и голос её стал тише, но от этого не менее опасным — будто она собиралась бросить на стол последнюю, самую тяжёлую карту.

— А мне напомнить, что ты первая нарушила эти самые условия? — спросил он в ответ, и, видя, как дёрнулась жена, жёстко добавил: — Если что-то не устраивает, можешь хоть сейчас написать письмо в королевский дворец о разводе. Этим же ты угрожала мне? Вперёд! Я первым же просле-

жу за тем, как ты со своими детьми будешь жить после этого.

Кейт не нашлась, что ответить. Её руки безвольно упали, будто из них разом ушла вся сила. Он был прав. Как бы её ни злило всё происходящее, она никогда не посмеет разрушить жизнь собственных детей. Ведь клеймо развода упадёт не только на неё. К тому же, зная характер Кристофа, она боялась, что он мог отречься от них — и тогда на её детей легло бы клеймо незаконнорождённых. Ради них, ради их будущего счастья Кейт выдержит всё: холод, презрение, даже эту невыносимую боль, которая сжимала сердце стальными тисками.

— Поступай, как хочешь. Я предупрежу Бет, что мы завтра покинем столицу, — холодно сказала она, и голос её прозвучал ровно. Не дожидаясь ответа, она повернулась и ушла.

Айзек хотел последовать за ней, но был остановлен отцом.

— Айзек Триваль. Это был первый и последний раз, когда ты осмелился мне угрожать. Последствий второго ты не захочешь узнать.

— Я понял вас, отец, — склонил голову Айзек, стараясь, чтобы в этом поклоне не было ни унижения, ни вызова.

Он ушёл, не оглядываясь, но каждый его шаг отдавался внутри горечью: он не смог защитить мать, не смог остановить этот разговор, не смог сделать ничего.

Элисон, которая всё это время не проронила ни слова, не понимала, как ей себя вести и что вообще делать. Она стояла, стараясь стать незаметной, слиться с тенью, раствориться

в воздухе — но именно поэтому взгляд графа снова и снова возвращался к ней. Когда он обратил свои глаза на неё, девушка замерла, в его взгляде снова промелькнули те самые чувства, что и в академии: смесь боли, вины и глухой, упрямой злости, будто она сама была причиной всех его бед.

Элисон застыла, затаив дыхание, будто боялась, что даже лёгкий выдох может нарушить эту хрупкую, опасную тишину.

— Уйди, — просто сказал граф.

***

В коридоре Джоэль окликнул её:

— Тебе… кхм… вам лучше бы подняться и собрать свои вещи. Так как уже завтра вы отправитесь обратно в Ларитан, то сегодня переночуете в одной из гостевых комнат, — сказал дворецкий, и в его голосе слышалась неловкость — будто он сам не знал, как теперь к ней обращаться, какие слова подобрать, чтобы не ранить.

— Хорошо, господин Джоэль, — по привычке ответила Элисон, снова опуская глаза.

— Просто Джоэль. Не стоит молодой госпоже так формально обращаться со слугой, — мягко поправил её мужчина.

Элисон удивлённо подняла на него глаза. На её губах появилась горькая усмешка — не злая, а скорее усталая. Она вдруг увидела всю эту историю со стороны и поняла, насколько нелепой и жестокой она была.

— Вы ведь с самого начала знали, кто я на самом деле. Сын дворецкого Ханса не мог не знать правды, — сказала она, не обвиняя, а просто констатируя факт.

— Конечно, знал, — не стал отрицать дворецкий, глядя на неё прямо, без отговорок. — Но я человек простой и должен подчиняться воле хозяина. Для меня таковыми являются как граф Кристоф, так и графиня Кейт.

Элисон кивнула. Она понимала, что это не оправдание и не попытка уйти от ответственности — просто сухая, горькая правда их мира. Другими словами, если бы Кейт приказала называть её кошкой, он так бы и сделал. Причин винить его у Элисон не было. Ведь он действительно был прав: он — всего лишь подчинённый. Найти ещё одну такую же работу было бы тяжело, если его выгонят. Он не должен был рисковать своим благополучием ради неё.

— Что ж, я тогда пойду собирать вещи, — тихо сказала Элисон и покинула общество Джоэля, чувствуя, как с каждым шагом становится тяжелее дышать.

Подойдя к лестнице, девушка заметила стоящего в конце коридора Айзека. Молодой человек наблюдал за ними задумчивым взглядом — не враждебным, не насмешливым, а каким-то слишком внимательным, будто пытался сложить воедино разрозненные кусочки происходящего. О чём он думал? Готовил очередную пакость? Хотел отомстить за унижение матери? Или, может быть, искал способ всё исправить, но не знал, с чего начать?

Не став дожидаться его действий, Элисон взбежала вверх по лестнице на четвёртый этаж, будто стремилась оставить внизу весь этот тяжёлый вечер, все эти слова, все эти взгляды. Ступени глухо отзывались под её шагами, а тени на стенах тянулись вслед за ней, словно пытались удержать, заставить остановиться и подумать. Но она не хотела думать. Сейчас ей хотелось просто оказаться в тишине.

Когда она вошла в комнату, то первым делом закрыла дверь, будто это простое движение могло отсечь всё, что осталось снаружи. Окно выходило на внутренний двор, где уже темнело. Элисон подошла к нему, прислонилась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

Глава 8

Вещей у неё было немного, и их сбор занял совсем мало времени. Будь на то воля самой Элисон, она бы осталась в этой комнате не только на ночь, но и вообще жить здесь. Пусть это была скромная комната для прислуги, пусть в ней по утрам пахло воском и чуть сыроватым бельём, а сквозь тонкие стены доносились чужие разговоры и смех — всё это было живым, настоящим. Служанки, которые порой ворчали, порой подшучивали, но при этом проявляли к ней больше внимания и дружелюбия, чем за всю её жизнь она получила от «своей семьи».

Замерев около кровати, на которой она спала эту неделю, Элисон посмотрела на свой скромный узелок. Он выглядел до обидного маленьким — будто вся её жизнь легко уместилась в одном свёртке. Ей самой нужно будет спуститься или её позовут? Что вообще делать дальше? Отчего спустя столько лет граф наконец решил признать её дочерью? И о каких условиях говорила Кейт? Эти вопросы крутились в голове, сталкиваясь друг с другом, но ответов не было. Только горькое ощущение, что она — пешка в чужой игре, правила которой ей так и не удосужились объяснить.

Двери открылись. Вошла Лидия. Вопреки обыкновению, сейчас девушка не улыбалась. Её лицо было непривычно строгим, а движения — чёткими, почти механическими.

Она замерла у дверей, послушно сложив руки впереди, и в этой покорной позе было что-то чужое, будто прежняя Лидия, та, что смеялась над глупыми шутками и шептала сплетни, спряталась где-то глубоко внутри.

— Ваша комната готова, леди Элисон, — безэмоционально сказала она.

Элисон вздрогнула.

— Лидия, я… — начала она, надеясь поймать хоть искорку прежнего тепла.

— Позвольте мне взять ваши вещи, — перебила её девушка и, действительно приблизившись, забрала небольшой узелок, который приготовила Элисон.

От этой демонстративной услужливости, от того, как старательно Лидия избегала смотреть ей в глаза, у Элисон появилась горечь во рту. Те отношения, которые они успели выстроить, рухнули в одно мгновение. Что бы они ни узнали, теперь всё будет не как прежде. Элисон молча последовала за Лидией.

Ей действительно выделили комнату на втором этаже, но в другом крыле. Гостевые комнаты находились с противоположной стороны особняка от хозяйских, и в этот момент Элисон была рада этому. Не хотелось бы ей сейчас быть поблизости ни с кем из семьи Триваль. Пусть между ней и ими будет хотя бы несколько коридоров и закрытых дверей.

Комната оказалась аккуратной и сдержанной: кровать с простым, но добротным покрывалом, небольшой письмен-

ный столик, шкаф с резными дверцами и окно, выходящее в тихий внутренний дворик. Здесь не было ничего лишнего, ничего личного — только чистота и тишина, от которой становилось немного не по себе.

— Вас всё устраивает, леди? — склонив голову, спросила Лидия, когда Элисон огляделась по сторонам. В её голосе не было ни заботы, ни любопытства — только вежливая формальность, которую требовалось соблюсти.

— Да, — просто ответила девушка.

Элисон видела, что Лидия не намерена слушать её. Она уже сделала для себя определённые выводы и явно держала дистанцию, пряча за этой отстранённостью то ли обиду, то ли растерянность, то ли просто страх оказаться не на той стороне.

— Если что-то понадобится, вы можете обратиться ко мне или к любой другой служанке. На этом я вас оставлю, — Лидия ещё раз поклонилась и, так же не глядя на Элисон, ушла, оставив ту наедине с собственными мыслями.

***

В связи с обстоятельствами праздничный ужин был отменён. Еду Элисон принесли прямо в комнату — и не просто служанкой, а под присмотром самого Джоэля, дворецкого, что шло вразрез со всеми устоявшимися правилами этикета. Поднос доставила Меган. Она, как и Лидия до этого, упрямо держала дистанцию: движения её были точны и сдержанны, а взгляд старательно скользил мимо, не задерживаясь на ли-

це Элисон.

Элисон хотелось бы поговорить с ней, хоть на мгновение вернуть ту лёгкость, с которой они раньше перебрасывались шутками, но она не могла сделать этого под пристальным, почти отеческим взглядом Джоэля. Дворецкий сдержанно кивнул, будто удостоверяясь, что всё идёт как надо, и произнёс:

— Пока леди будет принимать ужин, Меган подготовит ванну.

Пожелав приятного аппетита, мужчина покинул комнату, а Меган послушно нырнула в смежную дверь ванной, растворившись в полумраке.

Оставшись наедине с подносом, Элисон долго смотрела на него, будто перед ней лежала не еда, а зашифрованное послание, смысл которого она никак не могла разгадать. На тяжёлом серебряном подносе, который обычно использовали для завтраков графини, стояли яства, каждое из которых само по себе рассказывало историю.

Суп-пюре из спаржи на густых сливках дымился в фарфоровой супнице с гербом Тривалей — это была еда аристократов, слишком нежная и изысканная для желудка обычной прислуги. Элисон задумалась: не мог ли Кристоф через дворецкого показать ей без слов, что она больше не кухонная девчонка, что теперь она сидит за господским столом? Но зачем ему это? Чтобы загладить вину одним роскошным ужином? Или чтобы ещё отчётливее обозначить пропасть между

её прошлым и тем статусом, который ей теперь навязывали?

Рядом на огромном блюде возлежала дикая форель, запечённая целиком и украшенная дольками лимона с веточками свежего розмарина. В доме Тривалей речную рыбу считали едой простолюдинов, предпочитая морскую, но эта рыба из чистых горных ручьёв стоила целое состояние. В этом жесте виделся намёк — на чистоту крови, которая всё же текла в её жилах.

Молодой горошек и жемчужный лук были выложены отдельно в маленьком серебряном сотейнике — мелкая, кропотливая работа повара, где каждый стручок очищен вручную, каждый луковичный бутон отобран с тщательностью ювелира. Сверху, венчая трапезу, лежало пирожное с заварным кремом — сложная конструкция из тончайшего слоёного теста, щедро посыпанная сахарной пудрой, почти приторно-сладкое, будто призванное заглушить любую горечь.

Вместо вина, которое полагалось взрослой леди, или дешёвой воды, которую пила челядь, стоял густой рубиновый черносмородиновый сок в хрустальном графине — напиток королей, утоляющий жажду, но лишающий хмеля.

Однако была одна деталь, скрытая от посторонних глаз. Под всем этим великолепием, на самом дне подноса между ножками тяжёлой серебряной посуды, Джоэль незаметно для других, но так, чтобы увидела сама Элисон, положил маленькую шоколадную конфету, завёрнутую в тонкую золотую фольгу. Это была его личная инициатива: шоколад стоил

безумных денег и считался лекарством от меланхолии. Этим жестом старый верный пёс графа хотел сказать ей без слов: «Мне жаль. Держись».

И вот ещё одна загадка для Элисон. Почему дворецкий так добр к ней? Его отец, Ханс, хоть никогда и не проявлял к ней грубости или оскорблений, но всё же сторонился, стараясь просто не замечать очередной синяк на теле девочки. Но вот Джоэль явно проявлял к ней внимание и заботу. Может, он желал выслужиться перед графом таким образом? Но Элисон Джоэль не показался таким мелочным человеком. К тому же он, по примеру отца, искренне уважал и дорожил графиней, считая её достойной хозяйкой. Так в чём же заключалась причина его благосклонности?

Элисон этого не знала. Но даже если ему и правда что-то от неё нужно, даже если он в итоге использует её, она всё равно хотела в этот момент почувствовать хоть такую малую поддержку. Пусть это будет просто жест, просто конфета.

Девушка не хотела есть. Из-за волнения и внутренних переживаний она боялась, что еда встанет в горле колючим комом. Она сидела в кресле, глядя на поднос с ужином, но аппетит совершенно отсутствовал. Но она также понимала, что неизвестно, когда ей ещё удастся поесть. К тому же у неё во рту не было ничего съестного с самого утра, и чтобы банально не упасть в обморок от голода, она всё же взяла ложку.

— Хотя бы пару глотков, — пробормотала она, пододвигая к себе чашу.

Элисон принялась за суп-пюре — единственное, что она смогла сейчас осилить. Ложка казалась неестественно тяжёлой.

Из ванной комнаты выскользнула Меган. Поклонившись, служанка сказала:

— Леди, ванная готова. Требуется ли вам помощь с купанием?

Элисон подняла глаза. Она отметила, что девушка была холодна к ней — она явно уже что-то решила для себя, выслушав сплетни. И как бы ни было обидно от этого, Элисон не стала ничего пытаться объяснять или оправдываться.

— Благодарю, Меган, помощь не нужна, — ровно ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я справлюсь сама. Когда закончу с едой, выставлю посуду за дверь.

***

В ванной Элисон провела целых два часа. Когда ещё выпадет возможность спокойно насладиться ароматной ванной, а не торопливо обливаться прохладной водой в деревянной бочке, вздрагивая от сквозняков и чужих окриков? Правда, приходилось терпеть: от воды саднило кожу там, где утром графиня «преподала урок».

Едва она вышла из ванной, вытирая на ходу волосы полотенцем, в дверь раздался настойчивый стук — не вежливый, а требовательный, будто тот, кто стоял по ту сторону, заранее считал себя вправе вломиться внутрь.

Элисон помедлила мгновение, а затем осторожно открыла

дверь.

На пороге стояла Перл, губы поджаты, взгляд сверлит, будто пытается прожечь дыру. Она смерила Элисон презрительным взглядом.

— И как тебе только совести хватает? — выпалила женщина, не дожидаясь приглашения войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.